Алексей Гришин

ВЛАСТЬ

Часть II

Власть надежды

Алексей Гришин

Власть надежды

«Автор»
2026

Гришин А.

Власть надежды / А. Гришин — «Автор», 2026

Король-денщик – глупая шутка судьбы, подлежащая немедленному исправлению. Достаточно прийти к врагам страны, стать знаменем борьбы со своим восставшим народом. Сплотить аристократов, бежавших из родовых поместий, офицеров, изгнанных собственными солдатами. Разбить революционную армию, вернуть былые привилегии родовитым семьям, загнать быдло в привычные стойла. Все можно, если готов платить. Землями, собранными твоими предками, жизнями соотечественников, доведенных благородными господами до крайности отчаяния и бесправия. И быдло ли для тебя боевые товарищи, защищающие твою страну?В тринадцать лет ты видишь алчность правителей, их цинизм и продажность, хочешь вернуть власть! Но не желаешь, чтобы потомки прокляли короля Галлии, скрывающегося под именем сержанта Анри Лапуанта. Потому смири гордыню, не жалей сил и самой жизни, пусть победа назовет достойных!А себе оставь последнее утешение беглеца – надежду.

© Гришин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
Часть I «БУНТ» 7
Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 28
Глава 7 33
Глава 8 39
Глава 9 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Власть надежды

ПРОЛОГ

Дом в центре Парижа, когда-то принадлежавший маркизам де Фронсак.

– Мы слушаем вас, господин Денуа. – Сидевший в мягком кожаном кресле на дальнем конце прямоугольного стола полный черноволосый мужчина, виски которого едва-едва тронула благородная седина, степенно кивнул. Словно знатный вельможа позволил говорить вышколенному слуге.

А заместитель главы Конвента, третий человек в правительстве Галлии, едва-едва успел подавить желание вскочить и вытянуться. Но взял себя в руки и заговорил, по-прежнему сидя на неудобном, хотя и стоившем безумных денег, стуле. Только отставил в сторону хрустальный фужер на длинной ножке, чтобы не мешал видеть и этого господина, и еще двоих, вольготно развалившихся в таких же креслах.

– Итак, господа!

Именно и только господа. Здесь, в этой просторной и светлой комнате, на натертом до янтарного блеска узорчатом паркете, среди изящной мебели, отражающейся в огромных венецианских зеркалах, сама мысль употребить обязательное сейчас в Галлии «гражданин» казалась кощунственной.

– Как мы и предполагали, – собеседники переглянулись, услышав «мы», но вежливо промолчали, – в последнее время обстановка в Конвенте обострилась. Глава Конвента все чаще вступает в споры со своими коллегами, больше напоминающие базарные перепалки. Поводы различны, но всем ясно, что главная их причина – военные заказы, распределяющиеся только и исключительно через банки, подконтрольные Фонтену. Это не нравится Бертрану, это не нравится мне, это не нравится никому. Я попытался обратиться к Фонтену с тем самым предложением, что мы обсудили на прошлой неделе. Вместо ответа он пригрозил судом революционного трибунала.

Мужчина на противоположном конце стола коротко кивнул не столько словам Денуа, сколько своим мыслям. Словно никакой другой реакции от главы Конвента и не ожидал.

– Вы пытались договориться с другими руководителями?

– Нет. Сейчас это крайне опасно. Фонтен, надо отдать ему должное, умеет вести за собой людей. Он безоговорочно популярен в народе. В этой ситуации составлять против него партию… Угроза трибуналом в любой момент может оказаться не пустыми словами. Такое ощущение, что кто-то снабдил его таким же, как у меня, амулетом, но гораздо более мощным. И Денуа положил на стол испещренный сложнейшим узором круглый серебряный медальон размером с детскую ладонь.

Мужчина обратился к сидевшему по правую руку господину.

– Барон, что скажете?

Де Клюсси, высокий и худощавый светловолосый, поправил лацкан темно-синего сюртука и начисто проигнорировал недовольный взгляд Денуа при упоминании отмененного революцией титула. Ответил, не вставая со стула:

– Это в принципе возможно, но я специально несколько раз посещал публичные выступления Фонтена. Уверенно заявляю, монсеньор, что он доводил до исступления толпу революционных фанатиков вовсе без использования магии. Это талант, господа, и с этим следует считаться. Что же до нашего изделия, – он указал на лежащий на столе медальон, – то он действительно слабее того, который мы сделали изначально. И который вы, уважаемый, благопо-

лучно прошляпили! Хорошо, пусть будет «у вас украли». Но тот делали четыре мага, а новый – только мы втроем. Четверть – это существенная потеря силы.

Полный мужчина все-таки поднялся и успокаивающе раскрыл ладони.

– Друзья мои, не надо нервничать. Дела пошли не совсем так, как мы надеялись, но это же не повод для ссоры. Наоборот, следует собраться и вместе выработать план дальнейших действий. Не получается достичь цели одной магией подчинения? Значит, надо использовать другие методы. Лично я предлагаю старую добрую интригу. Если не ошибаюсь, а я никогда не ошибаюсь, дорвавшиеся до власти и денег уличные крикуны окажутся беззащитны перед этим испытанным оружием подлинной аристократии. И вот какая у меня родилась мысль…

Часть I «БУНТ»

Глава 1

Легко ли быть королем в одиннадцать лет? Обычно – да. Все проблемы решает какой-нибудь регент, не забывая о собственном кармане, но и не дергая правителя по разным пустякам вроде объявления войны дорогим соседям или введения нового налога любимым подданным. Зачем? Его юное величество должно наслаждаться жизнью, изредка являть свою монаршую физиономию на парадах и молебнах, ну и учиться, безусловно. Но не слишком усердно, чтобы не сообразило сразу после вступления во власть поместить того регента в уютное узилище для неспешного и подробного разговора о размере украденного из казны.

Приходилось ли королям скрываться от собственных подданных? Еще как! По глухим чащобам прятались, заботясь не о потерянных тронах, а о сохранности собственных голов. Не всегда, кстати, удачно.

Но чтобы все это свалилось на голову одного одиннадцатилетнего мальчишки?! Нет, не могу припомнить ничего подобного. Я такой точно один. Его величество король Галлии Генрих Эдмонд де Монтескай Меркер. Сын казненных на главной площади Парижа короля Эдмонда VII и королевы Анны. Ну, это все думали, что короля и королевы, не зная, что незадолго до казни отец тайно передал корону мне.

В то лихое время руководивший революционной Галлией Конвент упорно вел народ к величию и процветанию, создавал великое царство свободы, равенства и братства. И первым делом организовал массовые казни врагов революции. После родителей первыми лишились голов министры и царедворцы. Потом – генералы и губернаторы. Мало? На гильотины, спешно установленные на главных площадях всех городов страны, потащили благородных офицеров и чиновников, а затем и просто любых дворян, имевших неосторожность хоть чем-нибудь напомнить о своем происхождении.

И, разумеется, дело борьбы с угнетателями не могло считаться завершенным, пока не был схвачен последний из рода тиранов и деспотов – я. Вовсе не желавший оказаться в добрых руках новых правителей.

Пришлось скрываться. Побыть и бездомным попрошайкой, и беглым воришкой. В общем, долго оставаться на свободе у меня ни за что бы не получилось, если б не две счастливые встречи.

Первая – с молодым бароном де Безье, сыном одного из трех хранителей, поддерживающих действие заклятья Защиты. Не позволяющего никому и никак умышленно убить короля. Случайно – возможно, умышленно – нет.

Вторая – с майором Бернардо Поццо ди Борго, выходцем с Сардинии, в двадцать пять лет получившим звание генерала. Именно ди Борго, считавший меня и барона безродными кузенами Лапуантами, взял нас воинскую на службу. Меня – денщиком, барона – адъютантом.

Так, приписав себе пару лет, я стал солдатом, за полгода дослужился до сержанта. Слишком быстро? Ну так мой командир за тот же срок генералом стал. Время было такое – кровавое, беспощадное, но и даривщее немалые шансы к продвижению людям храбрым и предприимчивым.

Однако воинское счастье переменчиво. Молодого генерала отозвали в Париж ждать нового назначения. Которое, несомненно, состоится. Может быть, когда-нибудь. В сопровождении, естественно, адъютанта и денщика. Лично для меня тот поворот судьбы оказался удачей, поскольку позволил попасть не только в столицу, но, благодаря счастливому

случаю, и в бывший королевский дворец. А там – в тайную, не доступную ни для кого другого волшебную комнату, где хранились, кажется, все знания нашего мира. Вот их-то методично, не делая скидок ни на возраст, ни на титул, ни на простую человеческую усталость, и принялся с упорством маньяка вдалбливать в мою бедную голову призрак виконта де Камбре. Точнее, копия его памяти, снятая с оригинала правящим в то время моим прапрадедом.

Кстати, виконт – прямой предок барона де Безье, родоначальник их линии хранителей заклятия Защиты, или же по-научному – заклятия Запрета. Потому что оно не столько защищает галлийских королей, сколько обеспечивает магическую стабильность всего нашего мира.

Когда-то де Камбре умудрился прожить аж две жизни. Одну в каком-то сказочном, начисто лишенном магии мире. Вторую – у нас в Галлии. Был и солдатом, и полицейским, и шпионом. А закончил – великим ученым, создателем математической магии, чьи формулы и преобразования до сих пор пугают несчастных студентов.

Но студенты далеко и какую-то совсем дурную лекцию могут и прогулять. А я рядом и, главное, сбежать никуда не могу, а потому принужден учиться, учиться и учиться, как завещал какой-то великий дед в том, первом мире виконта.

Однако разрывать связь с ди Борго не следовало, так что, сбегая со службы, я все же поручил барону де Безье добиться у генерала согласия на мой бессрочный отпуск. Двенадцатилетний сержант – двадцатилетнему капитану. Хотя… если король – своему подданному, это, кажется, нормально.

Гостиница «Лебрен» в центре Парижа.

Бригадному генералу
Б. Поццо ди Борго
Рапорт

Имею честь просить о предоставлении мне отпуска на неопределенный срок для прохождения обучения.

Сержант А. Лапуант
Поддерживаю.
Капитан Ж. Лапуант

– Это как понимать вообще?! – бригадный генерал ди Борго швырнул бумагу в камин. В котором, к счастью, еще не успели развести огонь. – У нас что, сержанты сами решают, когда и куда им отправляться?! А мой адъютант изволит покрывать дезертира! Что стоять, глазами хлопать! Отвечать!!!

Капитан Лапуант аккуратно взял стоявшую под рукой генерала бутылку вина и осторожно переставил подальше. Не ради борьбы с пьянством, а из чувства самосохранения – в подобном гневе он видел своего командира впервые. Ни в битве при Мускроне, когда буквально на волоске висела судьба почти разгромленной галлийской армии, ни в безумной ночной атаке на форты Кале под роем пуль и шрапнели ди Борго не позволял себе повышать голос. Да что там, буквально месяц назад, после того как командующий Северной армией издевательски вежливо отправил его в Париж, чтобы только себе присвоить лавры победителя в лилльском походе, бригадный генерал лишь до хруста сжал кулаки. Но разговаривал с окружающими по-прежнему ровно.

И вот на тебе.

Или после того, как его, за полгода поднявшегося из майоров в генералы, оставили не у дел, отправили ждать какого-то неопределенного назначения, неожиданное исчезновение денщика переполнило-таки чашу терпения? И выпущенный на волю гнев обрушился на первого, кому не посчастливилось оказаться рядом?

Возможно.

Но бутылку лучше отставить в сторону. Во избежание.

– Он же докладывал вчера о своем желании, – напомнил капитан. – И ты, генерал, не возражал.

Ди Борго сжал губы, опустил взгляд, несколько раз глубоко вздохнул. Вновь посмотрел на адъютанта и заговорил подчеркнуто нейтральным голосом:

– Так где же господин сержант сейчас изволит находиться? До утверждения его рапорта он обязан, – генерал голосом выделил слово «обязан», – находиться по месту службы.

«И как теперь выкручиваться? Ну, ваше величество, вы меня и подставили, – капитану очень захотелось вслух помянуть неароматных козлов и прочих рогатых. – Одна надежда, что заранее придуманная ложь все же сработает».

– Пару часов назад он отправился присмотреть себе гражданскую одежду, и до сих пор не вернулся. Я уже начал волноваться, ты же знаешь, как неспокойно сейчас в Париже.

Суровость и язвительный тон ди Борго как рукой сняло.

– И ты только сейчас мне об этом говоришь? Получается, парень пропал? Демон с тобой, рапорт я подпишу, но не трать время, беги в гарнизон, в полицию, к дьяволу в ад, но найди его. Во что бы то ни стало найди! – Генерал наклонился к камину, достал из него злополучный рапорт и написал «Согласен».

А де Безье быстрым шагом вышел из гостиницы, всем своим видом демонстрируя желание наизнанку вывернуть мир, но отыскать своего венценосного «кузена». Спешно забежал за угол дома, опасаясь, что ди Борго решит посмотреть, сколь ревностно исполняется его приказ, но там остановился, прижавшись спиной к старой кирпичной стене. Глубоко вздохнул и с наслаждением потянулся.

Кажется, все получилось. Пропавший сержант Анри Лапуант уже к вечеру разыщется у каких-то дальних родственников, оплативших его учебу где-то не слишком далеко от Парижа. Мол, уезжать пришлось срочно, чтобы не потерять место в закрытой школе. Какой именно, еще предстоит придумать, ну да ничего, уж он, капитан Жан Лапуант, об этом позаботится. А тем временем скрывающийся от революционных властей его величество юный король Галлии Генрих Эдмонд де Монтескай Меркер спокойно займется своими, только ему известными делами. Когда решит проведать недоучившегося курсанта клиссонской академии барона де Безье, с недавних пор представляющегося простолюдином Жаном Лапуантом, дослужившимся в революционной армии до капитанского чина, тогда и будем думать, что дальше делать.

***

Тайная комната, та комната, убежище. Она существует сейчас и, я уверен, будет существовать вечно, пока остается в этом мире хотя бы один человек, имеющий права на галлийский престол.

И также вечно мудрые ученые мужи будут объявлять ее сказкой, в лучшем случае – легендой, рожденной в непросвещенных умах дворцовой прислуги.

Не верите? Ваше право. Считайте, что я попусту предаюсь глупым старческим фантазиям. Однако когда жизнь ставит передо мной действительно сложную задачу, требующую неочевидного решения, мне всегда есть, где и у кого спросить совета.

Нет смысла описывать здесь природу самой комнаты и ее смотрителя, лично мне потребовалось полвека, дабы понять, что они такое и как именно были созданы. В конце концов, эти записки – всего лишь память, упорно не желающая покидать этот мир вместе

с очередным смешным и уставшим от жизни стариком. Надеюсь, кого-нибудь они заинтересуют. Если, конечно, когда-нибудь будут опубликованы. В чем я до сих пор не уверен.

Тайная магическая комната в бывшем королевском дворце.

– Ну и что это? Что это за народное творчество?

Призрак виконта де Камбре спросил голосом столь приторным, что Анри скрипнул зубами. Запустить бы в нахала чем-нибудь тяжелым, да нельзя. Во-первых – невежливо, во-вторых – бесполезно, призрак все-таки, хоть и выглядит как нормальный человек. А в третьих – другого учителя все равно нет и в ближайшие несколько лет точно не будет. Осталось лишь насупиться и пробурчать:

– А что оно такое, это народное творчество?

– Отвечать вопросом на вопрос недостойно галльского короля, ваше величество. Это вообще прерогатива другого народа.

Вот так всегда. Казалось бы, бесплотное создание, вообще непонятно что такое – слепок памяти старика, коптившего небо полторы сотни лет назад, а язвит как самый обыкновенный дед. А о королевском достоинстве ученика вспоминает, лишь когда хочет уязвить побольнее. Если он призраком так бесить умудряется, так каким же при жизни был? За какие такие заслуги прапрадед его память законсервировал? В наказание потомкам, не иначе.

– Да что опять не так-то?! – Анри еще раз пристально осмотрел только что созданный магический конструкт. – Где я на этот раз ошибся?

– Неужто нигде? Ну что же, сир, – мальчик вздрогнул при слове «сир», – тогда с богом! Запитайте свое произведение магией и явите мне, наконец, чудо чудное и диво дивное. В виде превращения вот этого блюдца вот в такую вот чашку. – Де Камбре указал на стоящие перед учеником предметы.

Как-то не очень хочется, наверняка ведь не тот результат будет. Одно радует – погибнуть молодым призрак не позволит. Правда, есть подозрение что не из любви к ближнему, а из опасения остаться без объекта для насмешек. Ну и ладно. Набираем в грудь воздух, сосредотачиваемся…

– Мама!!!

Громыхнуло и полыхнуло так, что, казалось, ровным слоем сейчас по стенке размажет не только горе-мага, но и всю мебель, заодно. Кроме учителя, конечно. Ему-то уж точно ничего не сделается.

Но пронесло. Де Камбре успел-таки поставить между конструктом и учеником магический щит, полностью отразивший катаклизм, Анри уцелел, но вот комнате досталось. В щепки, осколки и обрывки разлетелось все, что могло расщепиться, расколоться и разорваться.

Мальчик ошалелыми глазами осматривал устроенный разгром, пытаясь сообразить, где же умудрился напортачить. Ну ошибся, бывает, но чтобы так?!

Тем временем сам виконт уже создал свой конструкт, сложный настолько, что разобраться в хитросплетении разноцветных магических потоков, казалось, не был способен ни один самый сильный маг. Тут же вокруг конструкта возникла мутная полупрозрачная сфера. По ее поверхности пробежали жутковатые красно-зеленые сполохи, послышался сухой треск, а в воздухе отчетливо запахло грозой. Сфера начала расти, расти… вот она накрыла четверть комнаты, половину, вот всю комнату целиком, вместе с незадачливым юным магом… Анри невольно зажмурился… а когда открыл глаза, все предметы вновь оказались на своих местах, будто ничего и не случилось.

Вот как это у него получается? Призрак, дух, а колдует как живой. Нет, круче. Такой магией, кажется, из живых вообще никто не владеет.

– Ну что, понял, в чем ошибся? – Де Камбре сжалился и перешел на нормальную речь. – Нет? Ты с каким предметом работать собирался?

– С блюдцем. Фарфоровым. Твердым. Ты сам говорил, что на такие заклинания сил жалеть не следует.

Учитель только руками развел.

– Ну да, говорил. И про силы, и про сброс их излишков. И об ограничителях! Ты какого размера блюдце превращать собрался? С приличное озеро? Ограничительные щиты кто ставить будет? Я? Я поставил. А если б нет? Разлетелся б ты на атомы с молекулами и парил сейчас по этой комнате, но уже без шансов собраться обратно.

Твою ж мать через коромысло! Анри сам не заметил, как всего за месяц перенял у виконта словечки, за которые в прошлой жизни его наверняка бы наказали. Строго. Например – сладкого лишили. Где сейчас те сладости и те наказатели?

Кажется, де Камбре заметил, что мысли ученика пошли не в ту сторону. Потому что заговорил совсем другим, теплым голосом. Хотя откуда теплота у бессердечного создания? Тем не менее.

– Ладно, не расстраивайся. Будем считать, что этот урок ты усвоил твердо. (Спасибо. Вот уж чего точно вовек не забуду). Сейчас ужинай и ложись спать. Завтра у тебя знаменательный день – первый выход в город.

Серьезно?! Месяц, что прошел с момента появления Анри в бывшем королевском дворце, де Камбре обучал его самым необходимым заклинаниям. И если «длинным ухом», и «личиной» ученик и прежде владел сносно, было и время, и возможности попрактиковаться, то вот с «длинным глазом», «внушением» и уж тем более «подчинением» возникли проблемы. Слишком они были сложны, слишком много забирали сил.

А ведь всего-то надо выйти из дворца, побродить по городу, недолго, не больше часа, и возвратиться назад. В сержантской форме, ага, другой-то одежды нет. С единственным документом – написанной на листочке бумаги запиской, что Анри Лапуант действительно служит денщиком у бригадного генерала Поццо ди Борго. Печать там еще стоит. Штаба четвертого корпуса Северной армии. Интересно, в Париже кто-нибудь о существовании такого корпуса слыхал?

Мальчишка-сержант – это что-то вроде земноводной кошки, чего в природе вообще не бывает. Так что очень быстро окажется юный нахал даже не на гауптвахте – в полиции. И не дай спаситель, если какой-нибудь служака, приглядевшись, вспомнит приметы некоего находящегося в государственном розыске воришки. Нет уж, как говорит виконт – такие приключения на фиг не нужны.

Интересно, а что такое «фиг»?

Неважно. Важно, что месяц его величество до одури тренировал те самые четыре заклинания.

И, кажется, не зря, раз де Камбре счел возможным выпустить его в город.

Сам призрак возможности покидать дворец лишен. Внутри дворца он почти всемогущ: может открыть вход в тайную комнату где угодно, невидимым попасть в любой помещение, подсмотреть, подслушать разговоры, даже взять что-нибудь нужное. Собственно, его ученик потому и не умер с голоду, что еду и питье учитель элементарно воровал с кухни. Но вот вырваться за пределы дворца – никак.

Так что в городе придется рассчитывать только на себя.

Глава 2

Ну вот и все, пора. Утром де Камбре разбудил ученика, накормил, даже выдал приятно позванивающий кошель (интересно, на чьем поясе он висел еще вчера). И провел в тупик, в торце которого расположен тайный выход из дворца. Почти год назад отсюда юный король отправился в путешествие, обещавшее стать пусть нелегким, но коротким и даже забавным приключением.

Теперь же… ничего хорошего от выхода в город Анри не ждал, но и не пойти не мог. Если, конечно, он хочет пусть в неопределенном пока будущем, но вернуть себе власть. Иначе остается лишь вечно прятаться даже не во дворце, а здесь, в волшебной комнате, где много книг, еще больше магии, но нет жизни. Где даже хозяина при всем желании нельзя назвать живым.

Так что в путь!

- Как возвращаться назад – помнишь? – поинтересовался де Камбре.

Мальчик кивнул, и призрак на прощание протянул ему руку. Твердую, сильную, но, к сожалению, холодную.

С богом. Заклинание, над поднятыми вверх руками возникает нужный конструкт и в торцевой стене – узкий проход.

В этот раз никакой факел не потребовался, вполне хватило ночного зрения. Ставшего привычным настолько, что вовсе уже не отнимало сил. Пройти по знакомому, отделанному грубым кирпичом подземному ходу до заключенной в подземный туннель речушки. Ну все, приятная часть похода закончилась, сейчас начнется.

Анри нашел выделявшийся в темной кирпичной кладке желтый кирпич, нажал, набрал в грудь побольше воздуха и сделал шаг вперед. Есть. Как и в прошлый раз вокруг все тот же шум воды, все та же вонь. И те же крысы, нахально снующие у самых ног.

Стоять! Чуть не забыл – именно здесь и сейчас надо найти рычаг… где же он… не то, не то… черт, неужели пропал? А нет, вот он, родненький! Словно железный штырь торчит из стены. За него следует взяться, потянуть вниз и вправо, так-так, теперь только вправо… и вверх… есть! Обратный проход открыт. Если б знать о нем раньше, скольких бед удалось бы избежать.

Не сметь! Не сметь сожалеть о невозможном. Этому жизнь уже научила.

Так что вперед, ваше величество. Только шинель лучше снять, чтобы о заплесневелые стены не испачкать. Холодно? Так шагайте быстрее, по пути и согреетесь. По узкому и скользкому бордюру, мимо все так же валяющихся в реке раздутых трупов… других, но больше их, кажется, не стало. Куда делись прежние – даже думать не хочется.

Как же крысы надоели. Попробовать заклинание отвода глаз? Бесполезно, на этих тварей магия, похоже, не действует. Или не на зрение они полагаются?

Наконец-то. Выход. Широкая Сена, крутой берег, куда надлежит забраться, не изгваздав мундир. А ведь рассвет только-только добавил серой краски в черноту ночного неба. И народу на улицах – ни души, что радует.

Аккуратно поднимаемся, накидываем шинель на плечи, набираем полную грудь воздуха, чтобы избавиться от вони подземной реки… ой, нет. Это была ошибка. Потому что куча отбросов поблизости смердит не менее гнусно.

Ничего, все равно вокруг Париж, а не осточертевшие стены магической комнаты. По желанию де Камбре становящейся сколь угодно большой и комфортабельной, но все равно замкнутой и этим похожей на тюрьму.

Однако скоро на улицах появится народ и непременно заинтересуется мальчишкой в форме сержанта. Отвести им глаза? Одному-двоим-троим – легко. Но десятку уже не получится. Значит, нужна личина. Чья же? При подготовке к этой прогулке легче всего было принимать образ Гая. Что же, на этих небогатых улочках, куда вывел подземный ход, юный оборванец будет смотреться естественно, тут, наверняка, полно таких же местных охламонов крутится. Итак, сосредоточиться, мысленно произнести заклинание, уточнить мелкие детали… готово.

Больно!

Мелкий камушек угодил точно по лопатке.

– Пшел прочь отсюда, щенок! Развелось вас здесь, поганцев! – донеслось из открытого окна.

Можно, конечно, камень и в ответ бросить, да еще и магией подкорректировать, для убедительности, но стоит ли? Проще, да и естественней, задать стрекача. Ну, дай бог ноги.

Анри добежал до ближайшего перекрестка, остановился… А где он, собственно? Так, правый берег Сены, это ясно. От дворца ниже по течению. Так что, получается… ба! Да место-то знакомое. Квартал Отёй, точно. Вот если за тем углом свернуть налево, дойти до следующего перекрестка, то там-то и окажется таверна матушки Барре, где не так уж давно скрывался от полиции и где прошел суровую школу работы с кухонными ножами, полотенцами и невиданным ранее инструментом с загадочным названием «швабра».

Вот только соваться сейчас к той таверне не следует, поскольку публика вокруг проживает самая разнообразная. И, судя по прилетевшему камушку, не жалующая юных бездельников. Так что отложим воспоминания на потом, займемся делом.

И юный король, подражая нищему мальчишке, вприпрыжку отправился по набережной в сторону центра города. Туда, где расположилась гостиница «Лебрен». Пусть этот выход в город и пробный, но повидаться с бароном де Безье будет совсем не лишним.

Спереди, со стороны центра города, послышался глухой топот лошадиных копыт по пыльной немощеной улице и скрип колес. Если возница также не любит оборванцев, как и тот хулиган, что из окна камнями кидается, то встреча может получиться крайне неприятной. Так что применяем заклинание отвода глаз. Получилось?

А то! Сидевший на передке телеги сутулый мужичок в свободном плаще и широкополой шляпе даже головы не повернул в сторону Анри. Проехал полсотни шагов, остановил лошадь, соскочил на землю и оглянулся.

Точно, магия сработала, и на стоявшего неподалеку мальчишку возница не обратил ни малейшего внимания. Раскидал наваленное на телеге тряпье, вытащил большой увесистый мешок, да и сбросил его вниз, к реке. Еще раз огляделся и, видимо, убедившись, что никто его не видит, легко заскочил на прежнее место, звонко щелкнул кнутом и продолжил свой путь.

Привычная, хотя и не одобряемая властями ситуация: кто-то выбросил что-то ненужное, поленившись ехать к городской свалке. В надежде, что река скроет следы нехорошего дела, за какое, вообще-то, приличный такой штраф полагается. Если поймают, конечно.

М-да, привычная, но не совсем. Над тем мешком совершенно отчетливо просматривался след какого-то незнакомого заклятия. Какой-то маг серьезно поработал с содержимым. В Париже, где с недавних пор очень-очень не любят аристократов вообще и магов в особенности.

Всякий серьезный человек в такой ситуации пожал бы плечами, да и пошел себе по делам. Мало ли, кто там, как и почему колдует. Зачем лезть в чужие тайны? Это было бы разумно, это было бы правильно.

Только что делать с мальчишеским любопытством? Когда так просто – спуститься вниз, вытащить еще не отогнанный течением от берега мешок, развязать, посмотреть. Парень так и сделал. Спустился, стараясь не изгваздаться (мелькнула мысль – а грязь прилипнет к обноскам личины или к сержантскому мундиру?), развязал веревку.

Мать твою!

Анри отпрыгнул, едва не поскользнувшись на осклизлой глине, чудом не грохнулся на спину, устоял, но подвернул стопу. Однако даже не заметил боли.

Потому что в мешке лежала голая девчонка. Примерно его ровесница. Мертвая.

Он аккуратно приспустил мешковину, увидел ужасную рану на животе и вновь прикрыл тело.

В сером свете раннего утра лицо покойницы выглядело неестественно бледным. Хотя при чем здесь свет? Он воевал, на мертвецов успел насмотреться и привык уже не отводить от них взгляд. Но столь бледное лицо видел впервые. Тело девочки, поборов брезгливость потрогал – холодное, но застыть еще не успело. Откуда эта бледность? И где кровь? Ее же нет, даже мешок почти сухой.

А что за заклинание на бедняжке использовали? Какое-то сложное и очень, очень мощное. Совершенно незнакомое.

Сверху раздался скрип двери, послышались чьи-то шаги.

Влип? Легко вскарабкался наверх и со всего маху воткнулся головой в чей-то объемный живот. Услышал, как ахнула испуганная женщина – не до нее, бежать, быстро!

Куда?

Да за телегой же! Вон она, со светлой свежеструганной доской в торце кузова, свернула направо. Ходу отсюда, ходу! Пусть местные разбираются с трупом, у короля свои дела.

Уже сворачивая на ближайшем перекрестке, услышал, как закричала женщина, призывая на помощь мужчин, полицию и всех святых угодников. И почти тут же к ней, как к запевале на марше, присоединился нестройный, но громкий хор соседских голосов. Ну и ладно, бедняжку хотя бы похоронят по-человечески.

Где телега? Не видно, но слышно – в тишине скрип колес далеко разносится. Боль в подвернутой стопе? Потерпим.

Анри так и бежал, ориентируясь на слух. Надеясь, что в вязи узких и кривых улочек не перепутал нужную телегу с какой-нибудь другой, не имеющей отношения к сброшенному на берег реки телу.

Сколько же можно петлять? Если б вокруг были люди, он давно б уже отстал, но и так держался из последних сил. Демон, как болит нога. Когда ж ты остановишься, в конце-то концов.

Хоп. Бог ли, демон ли услышал просьбу, но скрип прекратился. Так, теперь не спешить, но и не медлить, не ждать, пока телегу загонят в какой-нибудь закоулок. Подойти к перекрестку, осторожно выглянуть из-за угла… точно. Пустынная улица, распахнутые ворота в какой-то двор и та самая телега со светлой доской в торце. Рядом возница. Вроде бы тот же, во всяком случае, плащ и шляпа похожи, жаль лицо разглядеть так и не получилось.

Подойти еще ближе? Хм-м… личина на месте, но вот заклятье отвода глаз… да что-ж такое-то! Нет его. Поди, слетело, когда в ту толстуху врезался. М-да, Гаю в этих краях лучше не появляться. Запомнила его дамочка, наверняка. А значит и вопросы к парню возникнут, на которые тот не сможет ответить…

Эх, поздно. Телега уже въехала во двор и ворота закрылись. Осталось запомнить адрес, чтобы позднее посоветоваться с кем-то умным о том, что делать дальше. С де Безье, например, зря он что ли в амьенской полиции служил, пусть недолго, но целым сержантом, между прочим.

Однако с адресом – проблемы. Вокруг ни одной таблички. Ни названия улицы, ни таверны, так и заблудиться недолго – на этой окраине Парижа раньше бывать не приходилось. Вот же завела погоня не понять куда.

По одной стороне улицы – огороженные крепкими заборами двухэтажные дома. Обычно в таких либо живут зажиточные семьи, имеющие собственный выезд и прислугу, либо дома сдаются, часто – извозчикам, потому что за заборами построены еще и небольшие конюшни.

Зато на другой – дома большие, трех, а то и четырехэтажные, как вон тот, например. Больше похожий на маленький дворец. На входе охрана – ружья с примкнутыми штыками, внимательные, несмотря на раннее утро, взгляды. В странной форме: высоких медвежьих шапках, синих шинелях и… ярко-желтых штанах. Это что еще за диво дивное? Ранее никогда не виданное?

Над входом в здание надпись, не очень ровная, сделанная, кажется, недавно: «Жандармерия». Странно. Когда-то жандармами называли одну из рот королевской гвардии, но ту роту папа расформировал лет пять назад.

Анри замер, уставившись на солдат, пока один из них исподтишка не показал кулак. Не привлекая внимания своего напарника, но очень выразительно. Пришлось убраться подальше, спрятавшись за очередным поворотом извилистой улочки. Но и не дальше, чтобы не запутаться и не потерять возможность потом найти тот самый двор, куда загнали ту самую телегу.

А утро тем временем вступало в свои права. Вот небо начало розоветь, вот солнце позолотило верхушки церквей, стало уже подбираться к крышам самых высоких домов.

И люди вышли на улицы, отправились по своим очень важным делам, не обращая никакого внимания на шагающего рядом с ними уличного сорванца. Почти.

– Куда прешь, оборванец! – получаем неслабый пинок. – Держись подальше, не стой на пути добрых людей!

«Да уж, добрых, – подумал Анри, потирая ягодицу. – Добрее просто не бывает. Однако надо все же встать поаккуратнее, чтобы и впрямь не раздражать прохожих».

О мертвой девочке он уже не вспоминал, привычно задвинув ее образ куда-то вглубь сознания, где остались и погибшие солдаты, и расстрелянные в Кале рабочие. И даже казненные… нет-нет, без крайней нужды в тот уголок памяти соваться не следует.

А что тогда делать? Можно возвратиться во дворец, но не забираться же в тот вонючий тоннель на глазах местных жителей. Зачем привлекать их нездоровое внимание?

– Извините, добрый гражданин! – Вновь отвлекся, не успел вовремя убраться с чьего-то пути – получи заслуженный подзатыльник. И не сметь отвечать! Даже если очень хочется. Потому что охламону вроде того же Гая – не положено.

Однако сержанту – очень даже. Да и найдется ли такой штатский герой, что решится поднять на него руку?

Кстати, вокруг прибавилось не только горожан, но и военных. Большинство – в той же странной форме, но встречаются и обычные пехотинцы, а вот и артиллерийский лейтенант прошагал широким шагом к зданию жандармерии, предъявил на входе какой-то документ и вошел, небрежным взмахом руки ответив на приветствие охранников.

Что же, эта самая Жандармерия, чем бы она ни была, отличный ориентир, теперь найти тот злосчастный двор труда не составит. Дело осталось за малым – найти какой-нибудь укромный закуток, где можно сбросить личину, не вызвав ни у кого ненужных вопросов. Заодно и ногу подлечить – почему-то единственное известное ему лечебное заклинание напрочь отказывалось сочетаться с наведенными иллюзиями. Так где бы… вон там, например!

Анри завернул в переулок, узкий настолько, что и два пешехода разошлись бы с трудом. Никого? Отлично. И через мгновение вместо темноволосого оборванца появился светловолосый артиллерийский сержант. Он уверенно вышел на улицу и уже зашагал туда, где по его расчетам находился центр города. Когда на плечо легла чья-то крепкая рука.

– Документы!

Сзади стоял длинный и худющий молодой военный с погонами сублейтенанта, в высокой медвежьей шапке, синей шинели и ядовито-желтых штанах.

Глава 3

Сублейтенант Гастон Леклер шел на службу в угрюмом настроении. Три месяца назад он, восемнадцатилетний помощник известного адвоката, специалиста по бракоразводным делам, решил круто изменить свою жизнь. Вдохновленный пламенной речью гражданина Фонтена о нападении соседей на революционную Галлию и святой обязанности граждан встать на ее защиту, он добровольцем отправился на сборный пункт.

За спиной остались и удивленный взгляд адвоката, искренне не понимающего, зачем бросать перспективную, столь удачно начавшуюся карьеру юриста. И угрюмое ворчание отца, что-то твердившего о деньгах, напрасно потраченных на обучение сына. Не из жадности твердившего, а в наивной надежде хотя бы этим удержать молодого романтика от безрассудного шага.

И причитания мамы, почему-то уверенной, что ее ребенка ждет не славная судьба защитника отечества, а боль, увечья и непременная смерть. Хотя и к этому Гастон был готов. Смерть за отечество – высшая доблесть для гражданина! Это Фонтен так сказал.

На сборном пункте, среди таких же, как он, молодых патриотов, Леклер мечтал о будущих сражениях и непременных победах. Часа полтора, пока суровые и немногословные офицеры разбирались с документами добровольцев, что-то там рассматривали, куда-то их носили. А потом вызывали для вручения направлений в маршевые роты. Их там же формировали и направляли… куда? На вещевые склады для получения обмундирования? Или сразу в боевые полки, готовящиеся выступить навстречу врагам? Этого он так и не узнал, потому что его самого забрал угрюмый майор в синем форменном камзоле и ярко-желтых штанах.

Вот так мечтавший о боях и походах Гастон Леклер и оказался в Парижском департаменте национальной жандармерии. Как юристу, ему присвоили младший офицерский чин сублейтенанта и посадили разбирать многочисленные бумаги, горным камнепадом летящие на головы его сослуживцев.

В то время, как отважные товарищи били врага на восточных и западных рубежах Галлии, Леклер упорно натирал мозоли о жесткий стул, дни напролет, без выходных, с перерывами лишь на еду и сон, читал бестолковые в своем большинстве запросы и указания, решая, кому из начальников направить их на рассмотрение. Заранее зная, что все это безнадежно утонет в мутном болоте всепобеждающей бюрократии.

В лучшем случае ему же и поручат составить формальный ответ, из которого даже полному кретину должно быть ясно, что никто и ничего делать по их выполнению вовсе не собирается.

Потому что на самом деле парижский жандармский департамент занимался делом серьезным – розыском дезертиров, получивших первые зарплаты, но решивших этим и ограничить свое служение революции. Многие из таких умников попрятались в городских трущобах и окрестных лесах, занялись грабежами и откровенным разбоем. Лишь за недолгое время службы Леклера его коллеги поймали больше дюжины подобных подонков.

Это здесь, в центре. А что на окраинах страны творится! Майор Пети, тот самый, что забрал Леклера со сборного пункта, недавно из Вандеи перевелся, так такое рассказывал! Сражения, засады, да он сам в плену у повстанцев месяц пробыл, пока не сбежал. Может, и врет, конечно, хотя… левая рука у него и впрямь паршиво работает.

Но этим всем занимались другие жандармы, а сам молодой сублейтенант так и продолжал просиживать штаны на радость родителям. Лишь по ночам мечтая о героических подвигах во имя революции. Тоска…

Вот погруженный в такие грустные мысли, Леклер и шагал на опостылевшую уже службу, не забывая, впрочем, приветствовать старших. Отвечать на приветствия младших не приходилось – те в упор отказывались замечать молодого офицера.

А это что еще за явление? Из переулка вышел коротышка – артиллерийский сержант. Коротышка? Куда там, да он вовсе мальчишка! Кто только этого щенка в армию взял? А уж чтобы сержантом сделать… И тоже его, офицера, проигнорировал, не вскинул руку в приветствии, повернулся спиной, как ни в чем ни бывало, хамло. И быдло – вон как полы шинели грязью заляпаны, где это он так изгваздался? Самозванец?! Возможно, однако. А с самозванцами у нас в жандармерии разговор короткий.

– Документы! – Леклер положил руку на его плечо. На всякий случай, чтоб не вздумал бежать.

Парень в сержантской форме спокойно обернулся, достал из внутреннего кармана и протянул аккуратно сложенный лист бумаги.

Хм-м… с документом порядок. Вроде бы. Действительно, сержант, словесному описанию соответствует. И генеральский денщик. Что же, так тоже бывает, генералы иной раз и впрямь своим денщикам звания просто так раздают, чтобы, значит, тщательней сапоги натирали.

Вот только что сержанту Северной армии в Париже делать? И что это за бригадный генерал Поццо ди Борго? Никогда о таком не слышал.

И почему шинель грязная?! У денщика-то, просто обязанного с этой самой грязью денно и нощно бороться.

Так что с ним делать? Отпустить? Сейчас! Майор Пети как говорит: «В нашей службе главное – бдительность. Ни одно подозрение не должно остаться без тщательной проверки». О как! Тут же подозрений – пруд пруди. А то, что никто проверять этого странного сержанта не поручал – не беда. Он, сублейтенант Леклер, сам поручил себе это дело.

И продолжая крепко держать Анри за плечо, приказал:

– Следуй за мной, сержант.

На входе Леклер предъявил охранникам пропуск, провел задержанного по серым темным коридорам и обшарпанным лестницам на четвертый, верхний этаж в маленькую комнатку, где с трудом уместился небольшой, заваленный бумагами, стол и два стула. На один из них он и усадил Анри. Сам остался на ногах.

– Итак, еще раз. Ты чей денщик?

– Бригадного генерала Поццо ди Борго, – ответил юный сержант, уже понявший, что влип, но еще не представляющий во что. Потому, видимо, позволивший себе наплевать на субординацию и спросить:

– А ты кто, сублейтенант? И где мы сейчас находимся?

Что?! К офицеру на «ты»? Леклер грозно взглянул на собеседника, не сразу вспомнив, что в армии и впрямь принято такое обращение. Это в жандармерии к старшим всегда на «вы». Почему? До сих пор этот вопрос как-то не вставал, да и сейчас не до него.

– Ты в жандармерии и разговариваешь с жандармским офицером. – Сказано грозно, взгляд суров. Вот только в голосе, кажется, петух проскочил. Но ничего, сейчас поправим. – Кхе-кхе... и здесь я спрашиваю, а ты отвечаешь.

Вот. Так-то лучше – у подозреваемого аж голова в плечи втянулась. В чем именно подозреваемого? Хм-м… что-ж, сейчас как раз и узнаем.

– Где проживаешь? Почему не на службе?

«Оп-па! А вот это и впрямь поганые вопросы. Проживаю в бывшем королевском дворце, в тайной магической комнате? Нахожусь в отпуске, не имея на руках никакого разрешения? Хороши будут ответы. Тянуть время! Пока не найду выхода». – Анри отчаянно ухватился за эту мысль.

– А что такое «жандармерия»? Никогда о ней не слышал.

– Создана недавно. Из бывшей дорожной полиции.

«Ха-ха! Так они не военные! И допрашивать его, армейского сержанта, никаких прав не имеют».

Наверное, эта радостная мысль слишком явно отразилась на лице, потому что Леклер тут же добавил:

– Мы – часть армии. И отказаться отвечать на вопросы ты не смеешь, если, конечно, ты и впрямь сержант. Если же самозванец, тоже ничего, я сумею тебя разговорить и в этом случае.

Что именно он будет делать в этом самом случае, сублейтенант даже не представлял, но постарался напустить на себя уверенный вид.

– А почему вас никого на севере страны нет? – продолжил тянуть время Анри.

Не вслушиваясь в ответы, лихорадочно соображая, как будет выкручиваться. Что он там бормочет про закон и порядок… не до них сейчас. Вот если бы… хотя… впрочем… а пожалуй. В конце концов, другого выхода все равно нет. В крайнем случае, придется долбануть этого героя сонным заклинанием, накинуть на себя его иллюзию, да по его же документам и бежать. Если получится. Иначе и впрямь плохи будут его дела.

– …дезертиров, бандитов и убийц. Понял куда попал? Теперь отвечай, а не то...

Пояснений относительно «не то» Анри дожидаться не стал, быстро затараторив:

– Генерал остановился в гостинице «Лебрен». Только его лучше не беспокоить, подтвердить мою личность и представить необходимые документы может его адъютант капитан Лапуант.

– А в этом районе как оказался? Да еще в такое раннее время?

Без совета с де Безье рассказывать об убитой девочке показалось опасным, потому была озвучена первая пришедшая в голову история.

– Да я ночь с одной красоткой провел, а на обратном пути заблудился. Город-то не знаю совсем, но решил сам отыскать дорогу, вот.

Сказал и замер. Не дай Спаситель, если этот офицер спросит, как конкретно происходила встреча. Вот что отвечать, если еще и не целовался ни разу? Пронесло.

Леклер летящим почерком быстро написал что-то на листе бумаги и выглянул в коридор. Крикнул:

– Дежурный!

И появившемуся солдату приказал немедленно доставить письмо в гостиницу «Лебрен» капитану Лапуанту. После чего, казалось, потерял к задержанному всякий интерес, погрузившись в ворох лежащих на столе бумаг. Раскладывал их по стопкам, делал какие-то заметки, вовсе не глядя на нервно крутящегося на жестком стуле и активно старающегося не смотреть в сторону стола юного сержанта.

И так продолжалось не менее двух часов.

Наконец в дверь постучали, и тот же жандармский солдат доложил, что капитан Лапуант прибыл и ожидает аудиенции. У гражданина сублейтенанта. Как у маршала, ей-богу.

Ох как рад был галлийский король услышать эту новость. Едва-едва удержался, чтобы не броситься с объятиями к барону де Безье, своему подданному, между прочим.

Барон неспешно вошел, бросил на Анри короткий равнодушный взгляд и обратился к хозяину кабинета:

– Здравствуй, сублейтенант. Что случилось и что здесь делает мой сержант?

Леклера вновь покоробило это «ты». В конце концов, в жандармерии действуют правила жандармерии.

– Будьте так любезны, капитан, предъявите для начала свои документы.

И уже досконально их изучив, продолжил:

– Этот человек показался мне подозрительным. Во-первых, мне кажется, он слишком молод для армии и тем более для своего звания. А во-вторых, он так и не смог объяснить, почему ранним утром находился не по месту службы, а на другом конце города. И вот в таком,

– сублейтенант указал на грязные полы сержантской шинели, – непотребном виде. Жалкие потуги рассказать о посещении шлюхи показались мне неубедительными.

– Шлюхи? – Де Безье преувеличенно внимательно посмотрел на Анри. – Пожалуй, у меня по этому поводу тоже возникли б сомнения. Но, думаю, что эта сказка объясняется просто: сержант попросту забыл в гостинице свое отпускное удостоверение. Вот оно, пожалуйста. – И предъявил жандарму рапорт сержанта Лапуанта, утвержденный по всей форме. – Еще есть вопросы?

Леклер внимательно прочитал документ, прежде чем ответить.

– По службе – нет. Но из чистого любопытства, капитан. Четвертый корпус, это же он освобождал Кале?

– Да.

– А что его командир делает в Париже? Война же еще не закончена?

– Ожидает нового назначения, – пожав плечами, ответил де Безье.

– Судя по тому, что рапорт утвержден месяц назад, ожидание затянулось. И все это время сержант расхаживал по Парижу без отпускного документа? Однако, граждане, я рад, что все благополучно разрешилось. И позвольте проводить вас на выход.

Когда капитан и сержант вышли из здания жандармерии, Леклер с завистью смотрел им вслед. Вот ведь счастливые люди. Воевали. Пусть и в безопасности при генерале, но приближали победу. А он чем здесь занимается? Да кому нужна эта его бестолковая, с позволения сказать, служба.

Глава 4

– И что все это означает? Куда ваше величество умудрилось влипнуть на этот раз? – Голос де Безье сочился сарказмом. – У меня, пока сюда шел, чуть сердце из груди не выскочило.

– Момент. – Анри придержал спутника за руку. – Взгляни налево – видишь синий забор? Запомни это место. А об остальном – давай поговорим не на ходу, слишком многое надо обсудить.

Через четверть часа капитан и сержант сидели в небольшой, пустой по утреннему времени, таверне, где, наворачивая под яблочный сок яичницу с беконом, мальчик подробно рассказывал обо всем, что случилось со времени их последней встречи.

– Стало быть, тебя учит мой знаменитый предок, – удивленно проговорил де Безье.

– Не предок, – Анри вовсе не по-королевски ладонью вытер рот. – А лишь его призрак. Знает много, но вот с советами у него вообще беда. Тем более – с рекомендациями.

– И это плохо, потому что знания знаниями, но рассчитывать нам придется исключительно на себя. Ладно, об этом у нас еще будет время подумать. Сейчас меня интересует, какой демон занес тебя к жандармам.

А вот этот рассказ был уже предельно сух и краток. Обратил внимание на телегу, нашел труп, проследил. Все. Ах да, еще не повезло нарваться на бдительного гражданина сублейтенанта Леклера. И что теперь со всем этим делать?

– По-хорошему – ничего.

– То есть? – уставился на собеседника Анри.

– Да сейчас в славном Париже до неизвестной девчонки вообще никому нет никакого дела! – Барон сжал кулак, замахнулся, готовясь грохнуть по столу, но сдержался, аккуратно опустив руку. – Вот ведь… равенство, братство и всеобщая любовь… по городу стало опасно ходить без оружия. Кажется, от революции выиграли в основном банкиры и бандиты. Впрочем, одни от других не сильно отличаются.

– А что же полиция? – Анри вспомнил, как еще полгода назад полицейские лихо схватили банду Вотура, да и за ним самим охотились со всем усердием.

– Не имею понятия, как и желания общаться с этой публикой. – В голосе барона откровенно просквозила брезгливость. – Здесь не Амьен, тут, кажется, их волнует только голод госпожи гильотины. Почти каждый день ей кого-то скармливают, причем эти самые полицейские. При таком ее аппетите, когда ж еще хоть чем-нибудь заниматься.

Стало быть, ничего не поменялось. По-прежнему на главной площади бегает вверх-вниз до бритвенной остроты заточенный нож, по-прежнему недавние товарищи Анри радостными криками приветствуют падение в корзину палача очередной головы. И впрямь, при таких-то делах, что значит какой-то один мертвый ребенок.

Демон! Бледное лицо покойницы вдруг вынырнуло из того самого дальнего уголка памяти. Вынырнуло и встало перед мысленным взором, наотрез отказываясь возвращаться назад.

– Так что разумнее всего – все забыть. Не наше с тобой это дело. Только, – де Безье взглянул на мальчика и тяжело вздохнул, – боюсь, что с разумом у нас обоих не все в порядке. Я правильно понял?

– Да.

Краткий ответ, но зачем объяснять очевидное.

Барон поджал губы, на несколько ударов сердца прикрыл глаза, потер ладонями виски.

– Ну что же, тогда для начала проверим твою память. Ты говорил о следах магии на трупе. Ну-ка опиши их.

Описать? Анри растерялся. Не столько от темы разговора, сколько от неожиданной задачи. Как словами описать магию? Все равно, что описать сегодняшний рассвет. Он отличается и от вчерашнего, и от позавчерашнего. Но чем? Формой плывущих облаков? Красками расцветивших их солнечных лучей, где-то желтых, где-то розовых, а то и вовсе багряно-красных? Говорят, такое под силу поэтам. Но еще ни один, самый великий стих не позволил читателю представить именно те конкретные, вдохновившие их картины.

Де Безье понял причину затянувшийся паузы.

– Тебя не учили описывать ауры и следы заклятий?

Мальчик утвердительно кивнул.

– Но ты все хорошо запомнил?

Еще один кивок. Естественно, с того момента, как Анри, тогда еще принца, начали учить матмагу и работе с конструктами, память не подвела ни разу. Узоры силовых линий, формулы расчета напряженности узлов, магические потоки, все это держалось в ней настолько прочно, что порой казалось, будто над его мозгом поработал какой-то недобрый маг. Задавшийся целью превратить обычного мальчишку в безотказный магический инструмент.

Только что сейчас с этой памятью делать?

– Тогда возвращайся к моему предку. Именно он когда-то создал методику описания магических аур и следов. Интересную, но никому кроме нашей семьи, как сам понимаешь, не нужную. Заодно может и посоветует что-нибудь – по преданию, в свое время он служил лейтенантом в амьенской полиции.

И увидев, что завтрак съеден, добавил:

– А сейчас пошли покупать тебе одежду, хватит по Парижу в форме расхаживать.

После краткого обсуждения собеседники сошлись на том, что идти в ателье нет смысла – там шили, конечно, качественно, но дорого. Стараниями де Камбре, бедность юному королю отныне не грозила, но зачем роскошью привлекать к себе лишнее внимание? Мальчик в самой скромной, но в сшитой на заказ одежде, выделяется среди сверстников не меньше, чем в маскарадном костюме попугая.

В общем, было решено отправиться на рынок. Тот самый, где можно купить все от дешевых пирожков до парадной ливреи королевского лакея. Поношенной, конечно, но не ставшей от этого менее яркой.

За полгода, с того момента, как Анри побывал здесь последний раз, рынок не изменился. Казалось, он вообще никогда не меняется, веками оставаясь таким же многолюдным, крикливым и бурлящим. Где никому нет дела до твоего величия, где торговцы всегда готовы всучить дешевый товар самому придирчивому покупателю, а местные воры – срезать кошелек у самого осторожного сквалыги.

Привычно засунув руки в карманы шинели и через подкладку придерживая привязанный к поясу кошель, юный сержант уверенно вступил в этот людской водоворот. Не по уставу, зато безопасно.

А что де Безье?

– Куда лезешь! – ловко перехвачена потянувшаяся к карману барона тонкая рука.

– Да я что, да как, да граждане, честного человека обижают! – истово запричитал тощий вертлявый паренек, всего на пару лет, кажется, старше Анри.

Недоуменный взгляд спутника, немедленные возмущенные крики таких же мальчишек, наверняка подельников неудачливого воришки. Только звякнувшая о булыжник остро заточенная монетка четко разъяснила ситуацию.

Раньше в таких случаях резво подбегал полицейский, готовый тащить виновного на скорый и правый суд. Теперь же… никого.

Точно? Ну да. И народ поблизости почему-то не горит желанием добиться справедливости. Им что, все равно уже, что с их же карманами происходит?

– Оставь его, не трать время. Знаешь, куда нам идти? – Это уже де Безье сказал. Совершенно равнодушно, только свой кошель за отворот шинели переложил.

Ну раз так, то ладно, гуляй, вор.

А вот куда идти… так, мы в ряду торговцев продуктами. Колбасы, пирожки, сладости… отсюда надо уходить, и как можно быстрее – слишком велик риск на знакомых нарваться.

– Анри! Ох, каким же ты стал! А ну подойди поближе! – раздалось откуда-то справа.

Вот же демон! Ну да, не успел убраться.

Продавщица тех самых пирожков, как же ее, Марта, точно. Теперь просто так не сбежать. Лучше поговорить, чем слушать вслед громогласные причитания о глупых и неблагодарных мальчишках.

- Здравствуйте, – пришлось поприветствовать щербатую разбитную розовощекую торговку лет сорока. – Давно не виделись.

– Господи, да ты солдат, нет, сержант, да я глазам своим не верю. Дени, Жюли, вы только гляньте, это же наш Анри! Ну рассказывай, как ты, где ты!

Анри взглянул на барона. А он же растерялся! Ах ты ж! Офицер, разведчик, герой, стоит и лишь глазами хлопает. Впервые на рынке, что ли? Ну ладно, ты постой, а я пока с людьми поболтаю.

В течение пяти минут, в перерывах между женскими восторгами и причитаниями, кое-как удалось наплести сказку об удачном устройстве писарем в штаб местного полка, где якобы высоко оценили красивый почерк. И только потом задать вопрос.

– А как там Гай и его компания?

И тут что-то сломалось. Марта поперхнулась, прокашлялась. Прежде чем ответила.

– Так-то он появляется, но редко. Последний раз – дня три назад был. Да ты что, им сейчас лишний раз на улице лучше не показываться.

– Как так? Почему?

– Да ты не знаешь ничего, что ли? Ты где живешь-то вообще?

Оп-па! Краем глаза Анри заметил, как напрягся барон.

– В Париже дети пропадать стали, – понизив голос, почти прошептала Марта, будто великую тайну рассказала. – Вот как раз такие, как ты и он, сироты бездомные.

Ну, такие-то страшилки по всем городам ходят, в той же компании Гая дети чего-чего только не рассказывали. Сами рассказывали, сами пугались и сами же смеялись над своими страхами. Конечно, той девочке, чье тело он нашел утром, не повезло, но чтобы по всему городу подобное творилось?

Марта, очевидно, заметила недоверие, потому что продолжила:

– А потом их тела в Сене всплывают, изрезанные, прямо ужас. Точно-точно, сватья моей золовки рассказывала, мол, в прошлом месяце в соседней деревне пастух такое тело нашел, вот совсем без кишок. Он, правда, дурачок, пастух-то, так ведь дурачки они ж того, врать не умеют, божьи люди, это всем известно. Да и здесь, на рынке об том все говорят, а люди, они ж, сам знаешь, просто так болтать не станут.

Весь опыт Анри криком кричал, что не дай Спаситель сейчас проявить интерес – Марта вывалит на его голову все парижские сплетни, включая явление местным пьяницам карлика Комморона под ручку с Францем-ежиком. Но один вопрос все же задал самым насмешливым голосом, на какой оказался способен.

– Да ладно врать-то, Марта. Сама подумай, в какой же деревне в пастухах дурачка держать будут.

– Так в Песчанке же, что близ Шату! А Селеста, сватья то есть, она в Гамбе живет. И пастуха того я сама видела, он дурак-то дурак, а коровам как отец родной, они у него завсегда знаешь какие ухоженные!

Этот поток слов угрожал стать бесконечным. Спасибо, спас барон, пришедший-таки в себя и грозно потребовавший от сержанта прекратить пустые разговоры. К глубокому неудовольствию разошедшейся Марты.

Пришлось извиниться, попрощаться, пообещать не забывать и только потом уходить. Максимально быстро, чтобы ни на какого другого знакомого не нарваться.

В результате на рынке были куплены и сложены в аккуратный баул слегка поношенные, но крепкие штаны, свитер, куртка из толстой кожи, ботинки. Все великоватое, рассчитанное на вырост. В общем, в этой одежде Анри вполне мог сойти за сына хорошего ремесленника, а то и небогатого купца, то есть ничем не выделяться в толпе на парижских улицах.

Возвращались, когда солнце перевалило зенит, и барон торопился, стремясь успеть к обеду генерала ди Борго. Оказывается, сейчас, пока командир без дела торчал в Париже, у его адъютанта остались три обязанности: утром доложить об отсутствии новостей, днем – составить компанию за обедом, а вечером – за ужином. Немного, но исполнять их следовало предельно аккуратно.

Поэтому де Безье и спешил. Однако все же, когда они проходили мимо безумно дорогой гостиницы, доступной лишь самым богатейшим вельможам и финансистам… впрочем, сейчас уже только финансистам, попросил Анри подождать. А сам забежал внутрь. Вернулся буквально через минуту, недоуменно разглядывая какое-то письмо.

Уже по дороге к гостинице «Лебрен» пояснил:

– Знаешь от кого я только что получил весточку? От папы! Он здесь, в Париже. Так что количество де Безье вокруг вас, ваше величество, увеличилось.

Вот как! С ним теперь и хранитель, полковник, военный разведчик. Взрослый, в конце концов, а не недоучившийся юнец, пусть и заслуживший капитанские погоны. Здорово!

Анри почувствовал себя усталым путником, внезапно нашедшим на дороге надежный посох. Путь еще далек, но отныне идти станет легче.

– Так пошли к нему!

– Не так быстро. Визит следует подготовить, чтобы не вызвать ненужных вопросов. Возвращайся к своему призраку. Может быть, вдвоем вам удастся придумать, что делать с мертвой девочкой. А я тем временем свяжусь с папой, подготовлю тебе квартиру, куда можно будет безопасно приходить в любое время. Так что буду ждать тебя через неделю. При необходимости связь – через портье «Лебрена», я его предупрежу. Ну все, давай прощаться.

Расставшись с бароном, Анри решил не дожидаться вечера. В ближайшей подворотне накинул на себя личину согбенного старика, одного из не раз уже встреченных сегодня бедолаг, тащивших старьевщикам на слабых плечах мешки с последними пожитками. В смешной надежде купить немного еды и продлить свои жалкие, никому не нужные жизни.

Кто удивится, если один из них отправится умирать в смрад тоннеля подземной реки. Чтобы не оскорблять своим видом взгляды достойных горожан.

Никто и не удивился. Тем более, что к заклинанию иллюзии Анри прибавил запущенное на всю мощь заклинание отвода глаз.

Глава 5

– И что все это означает? Куда ваше величество умудрилось влипнуть на этот раз? – Голос де Безье сочился сарказмом. – У меня, пока сюда шел, чуть сердце из груди не выскочило.

– Момент. – Анри придержал спутника за руку. – Взгляни налево – видишь синий забор? Запомни это место. А об остальном – давай поговорим не на ходу, слишком многое надо обсудить.

Через четверть часа капитан и сержант сидели в небольшой, пустой по утреннему времени, таверне, где, наворачивая под яблочный сок яичницу с беконом, мальчик подробно рассказывал обо всем, что случилось со времени их последней встречи.

– Стало быть, тебя учит мой знаменитый предок, – удивленно проговорил де Безье.

– Не предок, – Анри вовсе не по-королевски ладонью вытер рот. – А лишь его призрак. Знает много, но вот с советами у него вообще беда. Тем более – с рекомендациями.

– И это плохо, потому что знания знаниями, но рассчитывать нам придется исключительно на себя. Ладно, об этом у нас еще будет время подумать. Сейчас меня интересует, какой демон занес тебя к жандармам.

А вот этот рассказ был уже предельно сух и краток. Обратил внимание на телегу, нашел труп, проследил. Все. Ах да, еще не повезло нарваться на бдительного гражданина сублейтенанта Леклера. И что теперь со всем этим делать?

– По-хорошему – ничего.

– То есть? – уставился на собеседника Анри.

– Да сейчас в славном Париже до неизвестной девчонки вообще никому нет никакого дела! – Барон сжал кулак, замахнулся, готовясь грохнуть по столу, но сдержался, аккуратно опустив руку. – Вот ведь… равенство, братство и всеобщая любовь… по городу стало опасно ходить без оружия. Кажется, от революции выиграли в основном банкиры и бандиты. Впрочем, одни от других не сильно отличаются.

– А что же полиция? – Анри вспомнил, как еще полгода назад полицейские лихо схватили банду Вотура, да и за ним самим охотились со всем усердием.

– Не имею понятия, как и желания общаться с этой публикой. – В голосе барона откровенно просквозила брезгливость. – Здесь не Амьен, тут, кажется, их волнует только голод госпожи гильотины. Почти каждый день ей кого-то скармливают, причем эти самые полицейские. При таком ее аппетите, когда ж еще хоть чем-нибудь заниматься.

Стало быть, ничего не поменялось. По-прежнему на главной площади бегает вверх-вниз до бритвенной остроты заточенный нож, по-прежнему недавние товарищи Анри радостными криками приветствуют падение в корзину палача очередной головы. И впрямь, при таких-то делах, что значит какой-то один мертвый ребенок.

Демон! Бледное лицо покойницы вдруг вынырнуло из того самого дальнего уголка памяти. Вынырнуло и встало перед мысленным взором, наотрез отказываясь возвращаться назад.

– Так что разумнее всего – все забыть. Не наше с тобой это дело. Только, – де Безье взглянул на мальчика и тяжело вздохнул, – боюсь, что с разумом у нас обоих не все в порядке. Я правильно понял?

– Да.

Краткий ответ, но зачем объяснять очевидное.

Барон поджал губы, на несколько ударов сердца прикрыл глаза, потер ладонями виски.

– Ну что же, тогда для начала проверим твою память. Ты говорил о следах магии на трупе. Ну-ка опиши их.

Описать? Анри растерялся. Не столько от темы разговора, сколько от неожиданной задачи. Как словами описать магию? Все равно, что описать сегодняшний рассвет. Он отличается и от вчерашнего, и от позавчерашнего. Но чем? Формой плывущих облаков? Красками расцветивших их солнечных лучей, где-то желтых, где-то розовых, а то и вовсе багряно-красных? Говорят, такое под силу поэтам. Но еще ни один, самый великий стих не позволил читателю представить именно те конкретные, вдохновившие их картины.

Де Безье понял причину затянувшийся паузы.

– Тебя не учили описывать ауры и следы заклятий?

Мальчик утвердительно кивнул.

– Но ты все хорошо запомнил?

Еще один кивок. Естественно, с того момента, как Анри, тогда еще принца, начали учить матмагу и работе с конструктами, память не подвела ни разу. Узоры силовых линий, формулы расчета напряженности узлов, магические потоки, все это держалось в ней настолько прочно, что порой казалось, будто над его мозгом поработал какой-то недобрый маг. Задавшийся целью превратить обычного мальчишку в безотказный магический инструмент.

Только что сейчас с этой памятью делать?

– Тогда возвращайся к моему предку. Именно он когда-то создал методику описания магических аур и следов. Интересную, но никому кроме нашей семьи, как сам понимаешь, не нужную. Заодно может и посоветует что-нибудь – по преданию, в свое время он служил лейтенантом в амьенской полиции.

И увидев, что завтрак съеден, добавил:

– А сейчас пошли покупать тебе одежду, хватит по Парижу в форме расхаживать.

После краткого обсуждения собеседники сошлись на том, что идти в ателье нет смысла – там шили, конечно, качественно, но дорого. Стараниями де Камбре, бедность юному королю отныне не грозила, но зачем роскошью привлекать к себе лишнее внимание? Мальчик в самой скромной, но в сшитой на заказ одежде, выделяется среди сверстников не меньше, чем в маскарадном костюме попугая.

В общем, было решено отправиться на рынок. Тот самый, где можно купить все от дешевых пирожков до парадной ливреи королевского лакея. Поношенной, конечно, но не ставшей от этого менее яркой.

За полгода, с того момента, как Анри побывал здесь последний раз, рынок не изменился. Казалось, он вообще никогда не меняется, веками оставаясь таким же многолюдным, крикливым и бурлящим. Где никому нет дела до твоего величия, где торговцы всегда готовы всучить дешевый товар самому придирчивому покупателю, а местные воры – срезать кошелек у самого осторожного сквалыги.

Привычно засунув руки в карманы шинели и через подкладку придерживая привязанный к поясу кошель, юный сержант уверенно вступил в этот людской водоворот. Не по уставу, зато безопасно.

А что де Безье?

– Куда лезешь! – ловко перехвачена потянувшаяся к карману барона тонкая рука.

– Да я что, да как, да граждане, честного человека обижают! – истово запричитал тощий вертлявый паренек, всего на пару лет, кажется, старше Анри.

Недоуменный взгляд спутника, немедленные возмущенные крики таких же мальчишек, наверняка подельников неудачливого воришки. Только звякнувшая о булыжник остро заточенная монетка четко разъяснила ситуацию.

Раньше в таких случаях резво подбегал полицейский, готовый тащить виновного на скорый и правый суд. Теперь же… никого.

Точно? Ну да. И народ поблизости почему-то не горит желанием добиться справедливости. Им что, все равно уже, что с их же карманами происходит?

– Оставь его, не трать время. Знаешь, куда нам идти? – Это уже де Безье сказал. Совершенно равнодушно, только свой кошель за отворот шинели переложил.

Ну раз так, то ладно, гуляй, вор.

А вот куда идти… так, мы в ряду торговцев продуктами. Колбасы, пирожки, сладости… отсюда надо уходить, и как можно быстрее – слишком велик риск на знакомых нарваться.

– Анри! Ох, каким же ты стал! А ну подойди поближе! – раздалось откуда-то справа.

Вот же демон! Ну да, не успел убраться.

Продавщица тех самых пирожков, как же ее, Марта, точно. Теперь просто так не сбежать. Лучше поговорить, чем слушать вслед громогласные причитания о глупых и неблагодарных мальчишках.

- Здравствуйте, – пришлось поприветствовать щербатую разбитную розовощекую торговку лет сорока. – Давно не виделись.

– Господи, да ты солдат, нет, сержант, да я глазам своим не верю. Дени, Жюли, вы только гляньте, это же наш Анри! Ну рассказывай, как ты, где ты!

Анри взглянул на барона. А он же растерялся! Ах ты ж! Офицер, разведчик, герой, стоит и лишь глазами хлопает. Впервые на рынке, что ли? Ну ладно, ты постой, а я пока с людьми поболтаю.

В течение пяти минут, в перерывах между женскими восторгами и причитаниями, кое-как удалось наплести сказку об удачном устройстве писарем в штаб местного полка, где якобы высоко оценили красивый почерк. И только потом задать вопрос.

– А как там Гай и его компания?

И тут что-то сломалось. Марта поперхнулась, прокашлялась. Прежде чем ответила.

– Так-то он появляется, но редко. Последний раз – дня три назад был. Да ты что, им сейчас лишний раз на улице лучше не показываться.

– Как так? Почему?

– Да ты не знаешь ничего, что ли? Ты где живешь-то вообще?

Оп-па! Краем глаза Анри заметил, как напрягся барон.

– В Париже дети пропадать стали, – понизив голос, почти прошептала Марта, будто великую тайну рассказала. – Вот как раз такие, как ты и он, сироты бездомные.

Ну, такие-то страшилки по всем городам ходят, в той же компании Гая дети чего-чего только не рассказывали. Сами рассказывали, сами пугались и сами же смеялись над своими страхами. Конечно, той девочке, чье тело он нашел утром, не повезло, но чтобы по всему городу подобное творилось?

Марта, очевидно, заметила недоверие, потому что продолжила:

– А потом их тела в Сене всплывают, изрезанные, прямо ужас. Точно-точно, сватья моей золовки рассказывала, мол, в прошлом месяце в соседней деревне пастух такое тело нашел, вот совсем без кишок. Он, правда, дурачок, пастух-то, так ведь дурачки они ж того, врать не умеют, божьи люди, это всем известно. Да и здесь, на рынке об том все говорят, а люди, они ж, сам знаешь, просто так болтать не станут.

Весь опыт Анри криком кричал, что не дай Спаситель сейчас проявить интерес – Марта вывалит на его голову все парижские сплетни, включая явление местным пьяницам карлика Комморона под ручку с Францем-ежиком. Но один вопрос все же задал самым насмешливым голосом, на какой оказался способен.

– Да ладно врать-то, Марта. Сама подумай, в какой же деревне в пастухах дурачка держать будут.

– Так в Песчанке же, что близ Шату! А Селеста, сватья то есть, она в Гамбе живет. И пастуха того я сама видела, он дурак-то дурак, а коровам как отец родной, они у него завсегда знаешь какие ухоженные!

Этот поток слов угрожал стать бесконечным. Спасибо, спас барон, пришедший-таки в себя и грозно потребовавший от сержанта прекратить пустые разговоры. К глубокому неудовольствию разошедшейся Марты.

Пришлось извиниться, попрощаться, пообещать не забывать и только потом уходить. Максимально быстро, чтобы ни на какого другого знакомого не нарваться.

В результате на рынке были куплены и сложены в аккуратный баул слегка поношенные, но крепкие штаны, свитер, куртка из толстой кожи, ботинки. Все великоватое, рассчитанное на вырост. В общем, в этой одежде Анри вполне мог сойти за сына хорошего ремесленника, а то и небогатого купца, то есть ничем не выделяться в толпе на парижских улицах.

Возвращались, когда солнце перевалило зенит, и барон торопился, стремясь успеть к обеду генерала ди Борго. Оказывается, сейчас, пока командир без дела торчал в Париже, у его адъютанта остались три обязанности: утром доложить об отсутствии новостей, днем – составить компанию за обедом, а вечером – за ужином. Немного, но исполнять их следовало предельно аккуратно.

Поэтому де Безье и спешил. Однако все же, когда они проходили мимо безумно дорогой гостиницы, доступной лишь самым богатейшим вельможам и финансистам… впрочем, сейчас уже только финансистам, попросил Анри подождать. А сам забежал внутрь. Вернулся буквально через минуту, недоуменно разглядывая какое-то письмо.

Уже по дороге к гостинице «Лебрен» пояснил:

– Знаешь от кого я только что получил весточку? От папы! Он здесь, в Париже. Так что количество де Безье вокруг вас, ваше величество, увеличилось.

Вот как! С ним теперь и хранитель, полковник, военный разведчик. Взрослый, в конце концов, а не недоучившийся юнец, пусть и заслуживший капитанские погоны. Здорово!

Анри почувствовал себя усталым путником, внезапно нашедшим на дороге надежный посох. Путь еще далек, но отныне идти станет легче.

– Так пошли к нему!

– Не так быстро. Визит следует подготовить, чтобы не вызвать ненужных вопросов. Возвращайся к своему призраку. Может быть, вдвоем вам удастся придумать, что делать с мертвой девочкой. А я тем временем свяжусь с папой, подготовлю тебе квартиру, куда можно будет безопасно приходить в любое время. Так что буду ждать тебя через неделю. При необходимости связь – через портье «Лебрена», я его предупрежу. Ну все, давай прощаться.

Расставшись с бароном, Анри решил не дожидаться вечера. В ближайшей подворотне накинул на себя личину согбенного старика, одного из не раз уже встреченных сегодня бедолаг, тащивших старьевщикам на слабых плечах мешки с последними пожитками. В смешной надежде купить немного еды и продлить свои жалкие, никому не нужные жизни.

Кто удивится, если один из них отправится умирать в смрад тоннеля подземной реки. Чтобы не оскорблять своим видом взгляды достойных горожан.

Никто и не удивился. Тем более, что к заклинанию иллюзии Анри прибавил запущенное на всю мощь заклинание отвода глаз.

Глава 6

Новый выход в город. Суббота, ночь, только-только переходящая в раннее утро. Тот же шум воды, тот же крысиный писк, да вот и они сами, стаями снующие повсюду. Ничего не изменилось за прошедшую неделю. Зато крепко заучено заклинание очищения, мгновенно убирающее все последствия путешествий вдоль подземной реки.

Потому на этот раз по городским улицам бодро шагал вполне приличный мальчик, вероятно, сын уважаемых родителей. И отвешивать ему пинки да подзатыльники казалось неуместным – мало ли, кому этот щенок может наябедничать на обидчика.

Да и нет пока никого вокруг. Раннее утро, тишина и спокойствие.

Можно не торопясь пройти по городу. Что-то изменилось в нем за полгода? Те же дома, те же мостовые. Та же таверна тетушки Барре, закрытая в столь ранний час. Те же улицы, по которым когда-то удирал от ретивых полицейских и злобного мага.

Ан нет. Вот же дом Денуа, вон чердак, где пришлось прятаться почти неделю. Те же стены, те же окна, а что не так? Ах да, охранные заклинания исчезли, и над входом появилась вывеска. «Гостиница «Старый дом». Почему «Старый дом»? Кто знает. Ясно одно – господин… нет-нет, гражданин Денуа изволил переехать, и, надо полагать, в здание более престижное, более подходящее его высокому статусу. Интересно, а шлюх он по-прежнему на улице находит, как незабвенную Инес, или теперь к его услугам дамы более респектабельные?

Ну да, вон и та самая подворотня, где ждала Инес с кинжалом в руке. Небось до сих пор жалеет, что не прирезала наивного мальчишку. Глупая. Даже не догадывается, что, отказавшись с ней встречаться, тот мальчишка ей жизнь подарил. Заклятье защиты короля, как выяснилось, работает без сбоев.

А если сейчас повернуть и пройти вверх, подальше от реки? Тогда придем еще к одному знакомому дому, где на чердаке оборудовал свой «апертемент» Гай. Неплохой, в общем-то, парнишка, бескорыстно протянувший руку помощи в самый, пожалуй, трудный момент в жизни. Выжил бы без нее Анри? Кто знает, кто знает. Не факт.

Где же это? Ага, вот этот дом, вот эта подворотня и… да, вот та самая веревка, по которой по-прежнему можно забраться на чердак. Запрятана под плющ, значит, Гай уже спустился в город.

Интересно, его приятель Бронкар ушел-таки в армию? После того как призывной возраст понизили до четырнадцати лет, мечта парня служить могла уже стать реальностью.

А Тресс? Все еще крутится с прежней компанией? Или нашла себе новую? Среди шлюх, например. Увы, у беспризорной девчонки, пусть даже самой веселой, будущее не радует разнообразием. Или в шлюхи, или в воровки, или все вместе, как Инес.

Или…

Демон! Вновь вспомнилась убитая девочка. Они же ровесницы! Как сказала Марта: пропадают бездомные? Так где же Тресс сейчас? Об этом может знать Гай, но как разыскать этого сорванца? И почему он покинул свой «апертемент» в эдакую рань?

Увижу – спрошу, – решил для себя Анри. – Пока же… куда идти? На рынок? Он еще закрыт. К тетушке Барре? Вот к ней лучше не соваться, не накинув на себя чью-то личину. Тогда что остается?

Только берег Сены на окраине Парижа. Туда, где за зарослями ивового кустарника в прошлом году любила собираться дружная компания юных оборванцев. Жгли костер, обсуждали свежие городские сплетни. Ели сваленные в общую кучу продукты, заработанные разной степени честности трудом. Но никогда не краденные, воровство ребята считали делом презрен-

ным. До поры до времени, конечно. Но те, кто все же решался жить этим низким ремеслом, навсегда уходили из их компании.

Хотя, может быть, они уходили, потому что вырастали и понимали, что другого пути у бездомной детворы просто нет.

Но Гаю еще рано воровать, а значит, он непременно придет на берег к ивовым кустам.

А день уже вступил в свои права. Люди вышли из домов, торопятся куда-то по делам и не обращают ни малейшего внимания на белобрысого мальчишку. Вот уже пошли городские окраины, вокруг – бедняцкие дома тех самых граждан, что совершили в прошлом году революцию. В искренней надежде на лучшее будущее. Ну и где оно? Та же бедность, жизнь едва не на головах друг у друга и тяжкий труд, к тридцати годам превращающий красивых девчонок в сгорбленных старух с изборожденными морщинами лицами и распухшими от болезней руками.

Наконец, дома кончились, потянулся длинный и широкий пустырь. Когда-то он был полем, кто-то рачительный выращивал на нем капусту. Еще остались кое-где неровности от аккуратных грядок, даже нет-нет, да и появятся по весне всходы десятка кочанов. Правда, вырасти им никто не позволит, та же бездомная детвора сорвет и с удовольствием схрумкает, не заботясь о приличиях.

Так, где же… а, вон там, натоптанный меж кустами проход отлично виден, значит, там и будем ждать Гая. Ну и остальных, кто придет. После радостных криков во время казни родителей видеть их нет ни малейшего желания, но, как сказал де Камбре, есть такое слово «надо».

Подходим к кустам, раздвигаем ветки, освобождая путь, и…

Мать твою демону в задницу!

На берегу три кровавых пятна. Кровь впиталась в песок, но Анри, прошедший уже через ад жестоких сражений, спутать ее не мог ни с чем. А рядом на спине лежит мальчишка. Руки раскинуты в стороны, к ноге привязан кусок веревки, лицо… лица нет. Вместо него какое-то кровавое месиво, покрытое засохшей коркой. И тянущийся от воды след, словно тело вытягивали… нет, скорее бедняга умудрился выползти сам.

Но он жив. Точнее, явно доживает последние минуты.

К нему! Есть еще возможность помочь?

Плохо дело – сил парню уже не хватает даже для дыхания. Вылечить нельзя, это очевидно. Но вот удержать на грани – может и получится, зря что ли лечебное заклинание учил. Слабенькое, но на что-то же годное – во всяком случае, три месяца назад удалось остановить кровь раненому ди Борго. А с той поры ты стал сильнее, ого-го как сильнее!

Собраться, создать нужный конструкт, напитать его магией, еще, еще, нечего силы экономить, не тот случай. Ну, получилось? Тогда начали!

Заклятие голубым лучом ударило в едва живого мальчишку, расплылось, окутало изуродованное тело. Анри видел, как останавливалась кровь, затягивались раны. Вот только врачом он был никудышным – вместо гладкой кожи наросла неровная и грубая рубцовая ткань, изуродовавшая и перекосившая детское лицо. На результат лечения было страшно смотреть.

– Анри?! Откуда ты здесь?

Голос! Слабый, осипший, едва слышный. Но по нему понятно, кто же лежит, изуродованный королем-недомагом. Гай. Обаятельный, никогда не унывающий шалопай и весельчак. Вы довольны собой, ваше величество?

– Что ты сделал? Я думал, мне уже конец, а тут ты. Спасибо.

Спасибо?! Да лучше б он кричал, плакал, ругался, в конце концов. Хотя… он же еще не видел, в кого превратился. Значит, слезы и крики впереди.

– А как другие?

– Кто? Тут никого больше нет. – Анри не выдержал, все же отвел взгляд, но заставил себя протянуть руку. – Вставай, не стоит лежать на холодной земле.

Ну да, именно это сейчас самое главное. Судя по кровавым следам, парень уже провалялся здесь всю ночь. Но подняться ему все равно надо.

– Вот моя куртка, надень, согрейся. И рассказывай, что здесь случилось?

Ну да, а что такого? Был бой, кто-то убит, кто-то ранен, но доклад о бое все равно должен быть сделан. Четкий и подробный. Все остальное – потом. В армии только так. К этому успел привыкнуть небывало молодой сержант, вот только Гай ни дня не служил, а смерть… ну да, ее приходилось видеть. Изредка – на улицах, чаще – на гильотине. Но это же было где-то в стороне, это были незнакомые люди. А здесь – приятели. С которыми еще вчера вместе картошку пекли. Вон она, обгорелая, валяется среди потухших углей недогоревшего костра.

Так что быстрого рассказа не получилось, да и о четкости не могло быть и речи. Но все же главное удалось понять.

Вчера ближе к вечеру компания собралась здесь, чтобы как обычно поесть да поболтать. Гай, трое мальчишек из их старой компании и Тресс. Действительно, невесть откуда, но ребята умудрились по ранней весне разжиться картошкой, а Тресс принесла еще и кровяную колбасу. Ароматную-у! В общем, пир обещал быть королевским.

Но вдруг… черт знает, что за «вдруг» случилось, но парень потерял сознание. Когда очнулся – приятелей и Тресс не видно, болит затылок, а над ним навис здоровенный мужик с пудовыми кулаками.

Мужик задавал один единственный вопрос: «Что ты видел на рассвете в воскресение на набережной Сены?».

А что он видел? Спал он на своем чердаке. Сон смотрел.

Но такой ответ мужика не устроил, и Гай получил первый удар в лицо. Потом удары сыпались еще, еще и еще. Он пытался что-то придумывать, умолял сжалиться. О том, чтобы отпустил, просить явно не имело смысла. Поскорее умереть – осталось единственным желанием.

И оно сбылось. Мучитель привязал к ноге жертвы камень и живого бросил в воду. Раздосадованный неудачным допросом, сразу убивать не стал, решил продлить мучения.

К счастью, руки мальчишки остались свободными, а в кармане оказался маленький складной нож. Бесполезный против того мужика, но способный перерезать веревку.

И это последнее, что помнил Гай. Как выплыл, как выбрался на берег – ничего этого не осталось в памяти.

И что теперь делать? – размышлял Анри, пока тащил на себе полумертвого Гая в сторону гостиницы «Лебрен» – единственного места в Париже, где можно было рассчитывать на помощь.

У нормального двенадцатилетнего мальчишки никогда бы на то не хватило сил, но здесь выручила магия. Точнее – несложное заклинание, уменьшающее вес груза. И плевать, что встречные дворяне могут увидеть его проявление – если решат вмешаться, это будут их проблемы. Злой на себя и весь белый свет, король не собирался быть милостивым, и побоку сейчас все Запреты.

То, что на ребят напали люди, связанные с убийством той девочки, очевидно. Получается, что это он, Анри, втравил Гая и его друзей в беду. Если бы тогда накинул на себя другую личину! Это было бы сложнее, но дети жили бы. Четверо. Нет, трое. На берегу было три кровавых пятна. Тогда… если сбрендившие на магии скоты гоняются за девочками… тогда Тресс… Срочно! В гостиницу, скорее, и пусть все вокруг обалдевают, наблюдая как один мальчишка тащит другого бегом, не сбавляя скорости.

Неизвестно, как прохожие, но швейцар солидной гостиницы «Лебрен» обалдел точно. Но дело свое знал туго, потому перегородил вход обильным пузом и категорически отказался пропускать жутковато смотревшуюся парочку, отвечая на все просьбы и требования категорическим «Не положено».

Поколебать уверенность служаки смогло лишь отпускное удостоверение, подписанное лично бригадным генералом Поццо ди Борго. И то лишь настолько, что гостиничный страж согласился отправить коридорного мальчишку к адъютанту генерала.

Спешно спустившийся, одетый в толком не застегнутый мундир де Безье тоже на мгновение впал в ступор от представшей перед ним картины, но к счастью не забыл о субординации. Для всех остальных сказанное самым обычным мальчиком «пожалуйста» прозвучало пустым звуком. Но для барона это все же был приказ короля.Короткий офицерский рык, и Гая тут же отнесли в номер гражданина капитана, раздели и уложили на кровать. Только попросили разрешения срочно сжечь одежду оборванца, чтобы, значит, вши по гостинице не полезли, а то знаете, всякое бывает, а потом постояльцы жалуются.

Гай тут же забылся то ли тяжелым сном, то ли спасительным обмороком. А капитан с сержантом сели обсуждать ситуацию.

– На кой демон тебе этот урод?

– По трем причинам. Во-первых, я обязан ему жизнью…

– Понял, вопрос снимается, – перебил де Безье.

Но Анри продолжил.

– Во-вторых, уродом он стал из-за меня, это под его личиной я рассматривал мертвую девчонку и гонялся за той телегой. И в-третьих, тот, кто вчера вечером напал на него, и есть тот самый убийца, ну… или гарантированно связан с ним. Кстати, при нападении пропала его, – кивок в сторону спящего мальчишки, – подруга, девчонка лет тринадцати. Ну как, правильно ли я поступил, что принес его сюда?

Барон хмыкнул, помял гладко выбритый подбородок.

– Честно говоря, я бы на твоем месте тоже ничего лучшего не придумал. В любом случае, рассказывай, что тебе известно.

Выслушав рассказ, встал, подошел к окну и долго смотрел на улицу, словно там, среди спешащих по своим делам прохожих, надеялся найти ответ. В конце концов, заговорил.

– Попробуем разбить проблему на части. Первое – мальчишка. – Из сжатого левого кулака он разогнул большой палец. – Его следует вылечить (разогнут мизинец на правом кулаке), одеть (разогнут безымянный) и накормить (разогнут средний).

После этого пальцы правой руки вновь сжались в кулак.

– И еще раз подробно расспросить о произошедшем, вдруг удастся понять, куда делась Тресс! – добавил Анри.

– Тресс? А, девочка… интересное имя. О ней мы еще поговорим. Второе, – разогнут указательный на левой руке. – Напавший знал, что мальчишка видел, как с телеги сбрасывали тело. От кого?

– Либо от неизвестного мужика за окном, бросившего в меня камушек, либо от тетки, в которую я врезался, когда погнался за телегой.

– Либо от полиции, обязанной собрать именно эти сведения. Правда, как я понял, парень в основном крутился в других районах города. Как же напавший смог на него выйти?

Ответ выскочил сам собой:

– Тетушка Барре! У нее таверна как раз в том районе. Гай с друзьями частенько там обедал, плюс она знакома с каким-то тамошним начальником в полиции. Но вот отдать Гая на смерть… нет, никак, невозможно. Она ж его всегда привечала, да и меня укрыла, когда я от той же полиции прятался…

Де Безье отмахнулся:

– В жизни всякое бывает. Но если хочешь, давай считать, что она не знала, что с этим, как его, Гай? Вот, что с ним такое сотворят. Но об этом потом. Сейчас – третье (разогнулся средний палец левого кулака). Надо, как говорят в полиции, произвести осмотр места преступления. А для этого отпроситься у начальства, чем я сейчас и займусь. Жди.

И, надев начищенные до зеркального блеска башмаки, застегнув на все пуговицы мундир, капитан вышел из номера.

Какое может быть «жди», когда рядом лежит изуродованный Гай, когда Тресс неизвестно где, может быть, прямо сейчас ей распарывают живот, как той девчонке! Идти надо, бежать, хоть что-нибудь делать! Но приходится именно ждать, едва не до хруста сжимая зубы и маятником расхаживая по гостиничному номеру.

Де Безье отсутствовал больше получаса, уже казалось, что генерал уперся, не желая и часа провести без своего верного адъютанта. Наконец, в дверь вошел… сам Поццо ди Борго в элегантном темно-синем фраке, белоснежной рубашке и бежевых, недавно вошедших в моду брюках. Только на ногах красовались смешные ярко-розовые тапочки.

– Рад видеть тебя, юноша! – в нарушение устава, генерал первым поприветствовал своего денщика. – Как продвигается учеба? Много ли узнать нового?

– Благодарю, все прекрасно. – Анри похолодел, испугавшись, что сейчас начнется спонтанный экзамен.

Время! Оно же сейчас бесценно. Господи, помоги!

Помог.

– А что с твой товарищ?

– Плохо. Впрочем, взгляни сам. – Анри отошел в сторону, открывая проход к спальне. – Вы, кстати, знакомы.

– ?!

– Когда-то ты накормил обедом двоих мальчишек.

– Вот как! Помню сорванец... твою ж сестру, кто его так?! Впрочем, неважно. Капитан, ты свободен, делай что должно. А ты, – ди Борго перевел взгляд на Анри, – найди Буанвиль. Он живет на Печной улице, так пусть срочно идти сюда. Скажи – я лично плачу лечение. Ищи врача, лекарство, что там еще надо. Я сам присмотрю за мальчишка. – И уже обращаясь к Гаю, неожиданно теплым голосом добавил – Все будет хорошо, парень. Тебя как звать-то?

«Кажется, мирная жизнь превращает нашего генерала в человека» – эта мысль мелькнула в голове убегающего Анри и тут же пропала, вытесненная другой: «Окажется ли на месте Буанвиль? Или придется искать другого врача, чтобы удержать Гая на грани. На которой тот оказался по вине галлийского короля».

Глава 7

Вот и пустырь, вот и проход в ивовых кустах к тому проклятому месту на берегу реки.

– Стой. – Де Безье положил руку на плечо. – Дальше я сам, а ты отправляйся искать врача. Помни – деньги на оплату лечения найдутся и у меня. Откуда? Позже расскажу, когда время будет.

«Деньги у меня самого есть, только кто ж согласится взять их у мальчишки? Буанвиль? Пожалуй, да, только он, так что к нему, к нему».

***

Через полчаса Анри растерянно замер перед основательным двухэтажным домом на Печной улице. Не дворец, конечно, но и не дешевая гостиница, в каких обычно снимают комнаты офицеры, вышедшие в отставку или ожидающие назначения. Над главным входом вывеска: красный треугольник, внутри две скрещенные сабли – знак того, что принимающий здесь врач служит или служил в армии. Так это что, весь дом Буанвилю принадлежит?

Однако, господин неплохо заработал, латая раненных солдат. Анри почесал затылок, прикидывая, во сколько ж его услуги обошлись республиканской казне. Выходило более чем серьезно.

Или деньги у Буанвиля и прежде были? Возможно, что и так, во всяком случае, никакой платы с де Безье за вытаскивание буквально с порога суда Спасителя, он не брал.

Согласится ли такой богач лечить нищего мальчишку? Если платит ди Борго, почему нет? В любом случае, не спросив, не узнаем. Потому вежливо стучим и входим… ох ты ж демон в тюбетейке! Вот это роскошь! А в приемной среди зеркал, позолоты и резной мебели скромно ждет приема… кто?! Сам Тетадье! Один из лидеров Конвента. Во дела!

И Тетадье уставился на вошедшего, как на шелудивого дворового пса. Или нет, помойного кота, точно. Грязного, облезлого, совершенно неуместного и нежеланного.

В этой ситуации проситься на разговор к хозяину – все равно что предлагать богачу купить жаренные каштаны: на улице за такое можно и суровый подзатыльник огрести. Поэтому ответ на вежливый вопрос симпатичной секретарши: «Чего приперся?» пришлось придумывать на ходу:

– Пакет гражданину Буанвилю от бригадного генерала Поццо ди Борго. Велено передать лично в руки.

Уф-ф, вроде прошло. Жаль, что никакого конверта нет и в помине, не дай Спаситель, предъявить потребуют.

Но сегодня небеса явно благоволили королевским авантюрам.

– Встань в дальний угол и жди.

Сесть, что характерно, красавица не предложила. Естественно, в поношенных штанах да на чаньский шелк, кто ж такое святотатство допустит. Пришлось стоять, как часовому у знамени, лишь слегка переминаясь с ноги на ногу и радуясь хотя бы тому, что не выперли вовсе на улицу.

Где-то через четверть часа дверь кабинета отворилась и оттуда вышел… гражданин Денуа, собственной персоной. Он! Организатор казни родителей, вещавший с эшафота об их кем-то придуманных преступлениях, дававший команды палачу опускать роковой рычаг гильотины. Анри уставился на него, моля небеса об одном – не дать сорваться, не позволить вцепится в это ненавистное лицо, не…

Только вот со стороны казалось, что мальчишка с восторгом смотрит на одного из лидеров революции. Да с таким, что польщенный Денуа изволил подойти и снисходительно похлопать своего юного поклонника по щеке. Чем вызвал всплеск ненависти, опять же выглядевший как всплеск восхищения.

Довольный своим величием, Денуа проследовал к выходу. Секретарша, встав и нарочито поправив кофточку, плотно облегающую аппетитную грудь, пригласила Тетадье на прием. И сама зашла в кабинет, очевидно для доклада. Потому что Буанвиль выглянул в приемную почти сразу.

На мгновение удивленно замер, увидев, кто именно к нему пожаловал, затем порывисто подошел вплотную, заговорил негромко.

– Рад встрече, заходи после шести, посидим, побеседуем. А пока давай пакет.

– Пакета нет, но нужна помощь, срочно. Ди Борго платит.

– Но…

Буанвиль оглянулся на выходившую из кабинета секретаршу. Демон, при ней не поговорить, эта стервочка такие сплетни по городу запустит! Вот же купился на длинные ноги и высокие… м-да, что же делать? На генерала плевать, много их тут по Парижу без дела шляется, но парень интересен. Нельзя его сейчас выпроваживать – кто знает, удастся ли свидеться во второй раз. А! Делаем вид, что убираем письмо в карман, и самым брезгливым тоном:

– Жди здесь, я напишу ответ.

Вот так. Выгнать бы сейчас Тетадье из кабинета, обстоятельно поговорить с Анри, как его, Лапуантом, точно. Но нельзя. Во-первых – деньги, во-вторых тоже деньги, но от других клиентов, что рвутся на прием к доктору, лечащему первых лиц Конвента, если по старому – придворному лекарю. Таким статусом не разбрасываются.

Но прием приему рознь. Как себя чувствуете, гражданин? Ах, палец на ноге болит, ходить не можете? Ну-ка, посмотрим. Хотя чего смотреть – жрать надо меньше, да вино не хлестать без перерыва. Но так же не скажешь, а потому:

– Попробуйте меньше кушать мяса, замените его рыбой. И вино лучше белое. Понимаю, что красное вкуснее, но здоровье требует. А боль я сниму, это уж будьте уверены. Помогло? Ну конечно же. Нет-нет, сейчас денег не надо. Вот приходите через недельку, посмотрим на динамику, определим дальнейшее лечение, тогда и рассчитаетесь.

А если повезет, то и сдохнешь ты к тому времени! Но это уже про себя, любезно улыбаясь и вежливо провожая до двери.

Только когда дорогой пациент ушел, можно выглянуть в приемную:

– Эй ты, зайди!

И уже за закрытой дверью протянуть руку.

– Ну, здравствуй. Рассказывай, что случилось.

Наскоро слепленный рассказ о старом друге, вначале потерявшем родню, впавшем в нищету, а вчера нарвавшемся на негодяев, превративших мальчишку в урода, Буанвиль вроде бы проглотил. Только спросил:

– А платить кто будет? Полторы тысячи экю – на это генеральских заработков может не хватить. А меньше взять я не могу.

– Знаю. Возьмите с ди Борго двести луидоров, остальное в конце лечения заплатим мы с кузеном.

Несомненно. Для безродных капитана и сержанта триста луидоров вовсе не деньги, пустяк, мелочь на пирожки с капустой. Любой врач в лицо рассмеялся бы от подобного предложения. Но не Буанвиль, точно знавший, что уж Анри-то безродным никак не был. Мальчишка дважды на его глазах вливал в своего родственника запас магии, недостижимый для большинства истинных магов. Аристократ он, скрывающийся в армии от народного гнева, точно. И вот у него-то денежки действительно могут водиться. Не пользовался ими до сих пор? Так молодец же, умен и осторожен.

И пострадавший для этого юноши с неясным пока титулом дорог, а значит, можно в будущем рассчитывать на благодарность. Не деньгами, их и без того достаточно. Есть в мире ценности подороже.

– Договорились. Веди меня, мой проводник! Селеста, я отправляюсь к больному на дом, приготовь все необходимое.

***

- Прошу вас, доктор, – Анри предупредительно распахнул дверь в номер де Безье.

С ума сойти!

Нет, в целом картина предстала вполне обычной – две смежные комнаты, в дальней, очевидно, спальня. В ближней – круглый стол с приставленными стульями, шкаф, диван, на диване – больной. Да, с изуродованным лицом, но как раз таким зрелищем бывшего военврача не смутить, он на всякое насмотрелся. Но видеть генерала в розовых тапочках, рассказывающего детскую сказку, одну из историй про Франца-ежика?!

Фрак небрежно брошен на стол, лицо раскраснелось, а руки порхают, кажется, даже душат невидимого врага. С ума сойти!

Увлеченный собственным рассказом, ди Борго не сразу заметил вошедших. А когда увидел – стушевался. Ди Борго, и стушевался – такого никто из подчиненных никогда не мог себе даже во сне представить.

- А, Буанвиль. Рад видеть. Вот больной. – Генерал указал на внимательно слушавшего Гая. – Надеюсь, тебе под силу исправить это.

Да уж, точно, именно что «это».

Буанвиль пододвинул стул поближе к дивану, уселся поудобнее, сейчас все внимание на пациента. Он даже проигнорировал приветствие ворвавшегося в номер запыхавшегося де Безье, не до него сейчас.

- Присядьте, юноша, повернитесь ко мне лицом, не надо отворачиваться.

А как не отворачиваться, если Гай успел уже рассмотреть себя в зеркале, ужаснуться и понять, что с такой рожей придется жить до конца дней.

Но врач был настойчив и непривычно вежлив. Надо же, на «вы», «юноша». Это к нему-то, кого взрослые изредка звали «щенок», а чаще просто «эй ты». Ну повернулся, и что ты там рассмотрел?

А рассмотрел Буанвиль многое. Самое главное и самое паршивое, что мальчишку уже лечили, причем, магией. Руки б тому лекарю обломать. Следы заклятья четко видны на зарубцевавшейся коже. Только не того, правильного и сложного, какое применил бы он сам, а простого, как топор. И столь же безжалостного.

Врач бросил взгляд на Анри – бесполезно. Юный коновал отошел в угол и смотрит на всех ясными и честными, не ведающими стыда глазами. Еще бы, с его-то опытом притворяться серой бестолочью.

И что теперь делать? Сил у этого недоучки немерено, в Магической академии он был бы в числе первых учеников, безусловно. И в свое заклинание он их вогнал от души. А ведь переделывать чужое сложнее, чем создавать свое. Чем сильнее маг, проведший первоначальное лечение, тем сложнее исправлять его ошибки. Здесь же вообще все от начала до конца – одна сплошная ошибка.

Но ничего, чем сложнее задача, тем интереснее решение.

- Ну что же... – Буанвиль изобразил задумчивость на лице. – Случай, конечно, сложный, но не безнадежный. Э-э... м-да... за двести луидоров я, пожалуй, возьмусь за лечение. Но не здесь, разумеется. Пациент должен находиться под постоянным присмотром. Так что извольте заплатить половину стоимости лечения, и мы поедем.

Ди Борго, до этого спокойно смотревший на все происходящее из стоявшего в углу номера кресла, услышав цену, закашлялся. Но вышел в коридор и через минуту вернулся с увесистым кошелем, молча протянул его врачу. Анри едва удержался, чтобы не присвистнуть – даже интересно, как бы отреагировал генерал, узнав истинную стоимость лечения?

Впрочем, размышлять на отвлеченные темы вовсе не было времени.

Прежде всего, Гай был подробно опрошен о том, что делал последнюю неделю. Выяснилось, что вчера утром он заходил в таверну мамаши Барре, был радушно принят и вкусно накормлен. Кстати, хозяйка теперь не Барре зовется, а вовсе даже Шапделен, по фамилии ее мужа – комиссара полиции второго округа. Того самого, на территории которого неделю назад парижане нашли труп девочки. Возможно, это лишь совпадение, но все же, все же…

Сразу после ухода доктора и пациента, ди Борго было заявлено, что кузенам Лапуантам срочно требуется проверить некие подозрения, связанные с сегодняшним происшествием.

- Разреши отлучиться, генерал.

- Насколько?

- Пока не знаю, но о предварительных результатах доложу завтра утром.

- Согласен. Жду доклада, капитан.

Все. Можно было заниматься делом.

Никем не порученным, никак не оплаченным и ни на шаг не приближающим короля к его заветной цели. Но Анри твердо решил довести его до конца. Как там сказал де Камбре? Избегая посланных нам испытаний, мы лишь напрасно пытаемся избежать своей судьбы? Марк Аврелий Он знает, о чем говорит, как-никак человеком две жизни прожил. И полторы сотни лет призраком. Было время набраться мудрости.

После краткого обсуждения, было решено сразу идти к комиссару Шапделену, не тратя время на общение с его уважаемой супругой. По пути Анри подготовил могучее заклятье приязни, каковое и обрушил на головы ничего не подозревающих полицейских двадцать четвертой секции Парижа.

Гражданин Шапделен на месте?

Вообще-то отвечать на такие вопросы посторонних не принято, но только вам скажем… да, в своем кабинете на втором этаже.

Мы можем к нему пройти?

Без записи не положено, но… проходите, разумеется.

Комиссар, разрешите войти?

Да кто вы такие?! Впрочем, проходите, присаживайтесь к столу, пожалуйста. У вас какой-то вопрос?

И трудно сказать, что больше влияло на полицейских – магия или капитанские погоны слишком молодого, не старше двадцати лет, офицера. Такие карьеры в революционной Галлии делали или герои, или родственники важных чиновников. Ни с теми, ни с другими ссориться никому не хотелось.

- Что тебе известно об убитой девочке, обнаруженной неделю назад на набережной Сены? – задал вопрос де Безье, бесцеремонно усаживаясь напротив Шапделена.

- А-м-м… да… нет, конечно… но… Понимаете, гражданин капитан, я бы с удовольствием, однако… служебная тайна, вы же понимаете! – Полицейский сочувственно улыбнулся и развел руками.

О как! Заклятье приязни не может справиться… с чем? С чувством долга? Или всего лишь с непомерной жадностью? А если так?

Де Безье вроде бы случайно разжал кулак. На ладони, разумеется, столь же случайно, сверкнул полновесный луидор – никакой реакции. Значит, увы, не жадность. Долг, а это уже серьезно, это требует иного подхода.

- Гражданин комиссар, сегодня мой кузен, – кивок в сторону скромно стоявшего в дальнем углу кабинета Анри, – нашел на набережной Сены, на территории вашего округа, едва живого искалеченного беспризорного мальчишку. Тот сказал, что на него напал неизвестный. Нападавшего интересовало все, связанное с этим происшествием. Мальчишка чудом остался

жив. И еще. Я лично осмотрел место происшествия и могу уверенно сказать: там же были убиты еще двое мальчиков и похищена одна девочка. Думаю, если пошлете сейчас людей прочесать в том месте дно Сены, обязательно найдете тела.

- Мальчишка? Какой мальчишка? – От улыбки полицейского не осталось и следа.

- Он назвался Гаем, – ответил Анри.

- Кучерявые русые волосы, серые глаза, на левой скуле небольшой шрам?

- Волосы и глаза совпадают, о шраме ничего сказать не могу – лицо полностью изуродовано.

- Демон! – Шапделен звонко шлепнул кулаком по своей ладони. – Мы его второй день ищем по всему Парижу, а тут вон какие дела, оказывается. Капитан, вы уверены насчет убийств и похищения?

- Уверен. Слова Гая подтверждаются осмотром места преступления. Впитавшаяся в песок кровь, следы волочения, следы самого преступника. И показания свидетелей, видевших неизвестного мужчину, пришедшего со стороны Сены, несшего на руках девочку, то ли спящую, то ли находившуюся в бессознательном состоянии Он увез ее на телеге в неизвестном направлении. Вот подробный отчет и данные свидетелей, – де Безье достал из внутреннего кармана аккуратно сложенные листы бумаги, – твои люди могут допросить их официально.

Комиссар бегло прочитал написанное, отложил в сторону.

- Показания свидетелей… осмотр места преступления… бессознательное состояние… вы точно служите в артиллерии, капитан?

Ох ты-ж, как неудобно-то получилось! Перед серьезным начальником, между прочим.

Пришлось встать, подобраться и представиться по всей форме.

- Я капитан Лапуант, адъютант бригадного генерала Поццо ди Борго, находящегося в Париже в ожидании назначения. Со мною мой кузенсержант Лапуант, денщик генерала. Сержант находится в отпуске, потому сейчас не носит форму. Анри, предъяви гражданину комиссару отпускное удостоверение.

На документы визитеров Шапделен едва взглянул, его больше интересовало другое.

- Прекрасно, граждане, но все же, капитан, вы не ответили на вопрос.

- До поступления в армию я был сержантом полиции Амьена.

- Ах вот как.

Анри вкладывал все силы в заклятие приязни. Вот был бы медальон, когда-то украденный у гражданина Денуа! Сейчас бы полицейский вначале подробно ответил на все вопросы, а потом начисто забыл об этом разговоре. Эх, да что уж теперь…

Комиссар задумался, уже дважды небрежным взмахом руки отправил прочь заглядывавших в кабинет посетителей. В конце концов, заговорил.

- Тело нашла одна служанка, выносившая помои. О мальчишке, крутившемся около трупа, она сообщила только моему сотруднику, назвала приметы. Кто он такой, мы узнали два дня назад, начали искать, и тут такое… неужели у нас протекло, кто-то из наших рассказал о нем убийцам?

Полицейский раздосадованно шлепнул ладонью по столу и спросил:

– Что там еще в вашем отчете, капитан?

Затем взял один из лежащих на столе листов.

- «Примет возницы свидетели не рассмотрели. Но увез он девочку на телеге, в которую была впряжена лошадь каурой масти. В заднем торце телеги вторая сверху доска была светлой, по-видимому, свежеструганной». Негусто, к сожалению, ну да ладно. Вот карта округа, отметьте место преступления. Здесь? Понятно, я пошлю своих людей на осмотр. А отчет оставьте. Обещаю, мы сделаем все возможное.

И уже когда гости собрались уходить добавил:

- Капитан, обращение на «ты» принято только в армии. Учтите на будущее, иначе может получиться неудобно.

Когда «кузены» вышли из здания полиции, Анри спросил, почему де Безье не рассказал Шапделену о доме, где живет неизвестный возница. Ведь сколько бы предателей в полиции ни было, все равно в Париже просто не было другой силы, способной найти убийц. В ответ де Безье улыбнулся.

- Правда? А ты не забыл о нашем новом знакомом – сублейтенанте Леклере? Молодец явно мечтает о славе. Уверен, он в лепешку расшибется в поисках банды, убивающей и потрошащей детей. Пусть это и не совсем дело жандармерии, но эти парни не откажутся от столь громкого дела. А мы поможем. Не за чины и награды, есть ценности и поважнее. Благодарность жандармов, например. Поверь, в скором будущем она будет стоить дорого. Только надо подготовиться к разговору. Боюсь, расспрашивать нас будут дотошно. В том числе и о биографиях. Итак, ты выходец из Амьена…

Глава 8

- Свободен! – Майор Пети недовольно скривил губы и небрежно бросил на стол принесенный Леклером отчет о проделанной работе. – И вот это вот забери.

Все ясно. Просиживай штаны дальше. Ругать вроде не за что, но и заслуг перед революцией у гражданина сублейтенанта до сих пор никаких. Сплошная серость и посредственность. Вроде как этому бездарю даже поручить ничего нельзя, все равно любое, самое плевое дело провалит.

Осталось забрать отчет, развернуться и возвращаться в опостылевший кабинет все к тем же осточертевшим, никому не нужным бумагам. Леклер уже взялся за дверную ручку своего кабинета, когда сзади его окликнули.

- Гражданин сублейтенант, к вам посетители! – Дежурный солдат вытянулся по стойке смирно, очевидно не представляя с каким ничтожеством, по мнению майора Пети, разговаривает. – Капитан Лапуант и сержант Лапуант, артиллеристы. Говорят, что по важному делу.

Ах эти. Ну что им еще от него надо? Отпустил же, даже бумаг никаких составлять не стал. Может, пришли еще извинений требовать? Со штабных вояк станется. А вот пошли они в пекло! И сейчас он объяснит им свою позицию лично и доходчиво.

- Ну пригласи, раз по важному.

Леклер прошел в кабинет и разложил бумаги на столе так, чтобы любому идиоту с первого взгляда стало ясно – у хозяина полно важной и неотложной работы.

Вот они. Капитан – в отличном, пошитом из дорогого сукна, мундире тылового выскочки, вскинул руку в воинском приветствии.

Сержант – в штатском, похож на какого-то сынка небогатого купчишки, ограничился чем-то невнятным, похожем на «здрасьти».

- С чем пожаловали, граждане?

Именно так, усталым голосом, с очевидным трудом оторвав взгляд от очередной якобы крайне важной бумаги.

- Нам стало известно о существовании в Париже организованной группы, похищающей и убивающей детей.

О господи! Вновь эта сказка, гуляющая по городским рынкам. Где же это… – Леклер быстро просмотрел лежащие на столе бумаги. – А вот, доклад какого-то агента, внизу уверенной рукой майора начертана резолюция. Непечатная, но, если перевести на язык литераторов, означающая «Недостоверно. Забыть навсегда».

- Мы слухами не занимаемся, ступайте с ними к газетчикам.

И вновь углубиться во внимательное чтение никому не нужного документа. Самый лучший путь показать самому тупому визитеру свое нежелание продолжать разговор.

- В воскресенье на территории второго округа был найден выпотрошенный труп девочки. Расследование ведет окружная полиция.

Правда? Странно, в сводках об этом не было ни слова. Может, сообщение заботливые начальники направили к кому-то потолковее? Во всяком случае, уже что-то небезынтересное.

Леклер поднял взгляд.

- А мы здесь при чем?

- Вчера тоже на берегу Сены, и тоже во втором округе убили двоих мальчиков и похитили девочку. Третьего мальчишку долго избивали, желая узнать, что ему известно о воскресном трупе. Потом попытались убить.

Сказка?! Или капитан бредит, или… Попытались! Так парень жив?

- Подробнее, пожалуйста. Откуда об этом узнали вы? – Скрыть интерес у жандарма уже не получилось.

- Сегодня сержант нашел на берегу Сены жестоко избитого, но, слава Спасителю, живого мальчика.

И де Безье рассказал ту же историю, что и в полиции, также умолчав, что вовсе не Гай обнаружил труп девочки. Мол, знаем все с его слов и в полиции их подтвердили. Комиссар Шапделен, лично. Почему он не занимается этим делом? Занимается, конечно, но подозревает, что кто-то из его подчиненных связан с преступниками. Потому вся надежда на доблестных и неподкупных жандармов, этих верных стражей революции. И конкретно на него, сублейтенанта Леклера, в чьей бдительности и обстоятельности сержант Лапуант убедился на собственном опыте. Уф-ф.

Конечно, был риск, что бдительный сублейтенант заподозрит неладное в восхвалениях едва знакомого с ним капитана. Но слишком уж явно заблестели глаза у молодого жандарма, слишком ярко зарумянились щеки, совсем недавно познакомившиеся с бритвой.

Это же шанс! Даже шансище обратить на себя внимание самого майора Пети, оторваться от проклятых бумаг, заняться, наконец, настоящим делом, ради чего была брошена спокойная и сытная работа у лучшего адвоката Галлии.

Так, что дальше? Ах да, письменные показания – хорошо подобранные документы добавляют уважения к докладчику. Как говорит майор, – бумага есть лицо жандарма!

- Я вас понял. Теперь прошу все сказанное записать. Перья и чернила перед вами.

Сказано было по-прежнему скучным голосом в наивной попытке скрыть собственный азарт.

- Готово? Теперь прошу подождать в коридоре, граждане.

И на доклад! Только не бежать, ступать солидно, неторопливо, словно в зале суда на очередном бракоразводном процессе. И хоть немного успокоить готовое выпрыгнуть из груди сердце.

- Разрешите войти, гражданин майор.

От взгляда Пети, оторванного от какого-то многостраничного документа, мгновенно скисло бы самое свежее молоко. Он тяжело вздохнул и лениво взмахнул рукой. Пригласил, кажется.

- У меня в кабинете заявители, адъютант и денщик бригадного генерала Поццо ди Борго капитан Лапуант и сержант Лапуант.

- Родственники?

- Так точно, кузены. Прошу ознакомиться. Полагаю, это срочно. – Леклер положил на стол бумаги.

- Ну-ну. – Пети ухмыльнулся, но начал читать. – Хм… так… угу… однако… а если… интересно, – он не комментировал прочитанное, а скорее бормотал себе под нос.

Прочитав, поднял взгляд на подчиненного.

- Присаживайтесь, сублейтенант. У меня есть вопросы.

С ума сойти! Впервые ему предложили сесть, почти как равному.

- Почему эти двое пришли именно к вам?

- Мы познакомились в воскресение. Сержант показался мне подозрительным, я тогда задержал его для выяснения личности.

- Чем же? Что-то я не помню доклада о таком задержании.

- Ну… – Леклер едва не произнес это слово, но вовремя вспомнил, что командир не терпит междометий. – Он был в сержантской форме, однако выглядел как двенадцатилетний мальчишка. Не имел при себе полного комплекта документов. Представился денщиком, а у самого полы шинели были в грязи.

- Так, – кивнул Пети, кажется, довольный краткостью и четкостью формулировок. – Продолжайте.

Окрыленный Леклер закончил доклад за четверть часа.

- Одобряю ваши действия, сублейтенант. Проявили бдительность, провели тщательную проверку. Молодец. Но все же у меня вопрос. Даже не по сержанту, а по капитану. Он пишет, что родился в семьдесят третьем году, а уже капитан. Как так? И еще. Вы говорите, на нем мундир из дорогого сукна. А в заявлении я читаю, что по следам некий юный штабист будто по книге прочитал, кто, как и кого убивал, похищал. Он что, дикарь из Нового Света? Среди них, говорят, эдакие следопыты водятся.

- Я не знаю, гражданин майор. Но заявители сейчас в коридоре, могут все рассказать сами.

Пети вновь бегло просмотрел бумаги, хмыкнул.

«А ведь ему интересно. Точно, интересно, – подумал Леклер. – Ну же, принимай уже решение!»

- Пригласи их.

Есть! Просто так майор ни на кого тратить время не будет. Только бы они тыкать не начали.

Вошедшие в кабинет молодые люди откровенно не вызвали у майора доверия. Все как и говорил сублейтенант – слишком молоды, а капитан еще и слишком холен, эдакий франт с изнеженным лицом завсегдатая парижских салонов, невесть как сделавший невиданную карьеру.

- Граждане, я рассмотрел ваши заявления и прошу разъяснить следующее.

Вопросов было много, но вовсе не об убитых и похищенных детях. Вы-то, собственно, кто такие?

Судя по тому, как, в конце концов, разговор все же переключился на неизвестного убийцу, ответы военных жандарма удовлетворили.

- Хорошо. – Майор слегка хлопнул по столу ладонью. – Спасибо за бдительность, мы займемся этим делом.

И встал, показывая, что разговор законен.

- Как так займетесь?! – наплевав на субординацию, воскликнул сержант.

Леклер даже голову в плечи втянул, ожидая начальственного гнева. А нахальный щенок тут же продолжил:

- А Тресс! Ее же убьют! Надо же прямо сейчас, немедленно что-то делать!

И тут… нет, не сверкнула молния, не грянул гром, даже майорский кулак не обрушился на обитый дорогим фиолетовым сукном стол. Произошло нечто еще более невиданное – Пети развел руками и ответил! Даже нотки сожаления прозвучали в его голосе.

- Но что мы можем сделать?

- Как что! Вон же двор того зверя, он ведь рядом! Ворваться, схватить, узнать, где сейчас Тресс, освободить ее. Что сложного? Потом поздно будет, если ритуал в ночь с субботы на воскресение совершается.

Жандарм взял в руки заявления, еще раз бегло прочитал.

- Тресс, как я понимаю, похищенная девочка. Вы с ней знакомы? И о каком доме вы говорите, сержант?

Он что, забыл что-то написать?

- Ам-м… нет… так ее называл Гай, тот парень, ну… кого я нашел утром. Он же рассказал и о дворе. Подробно, я даже опознал его, когда шел сюда. Это действительно рядом, наверняка отсюда его видно, если с крыши посмотреть. Труп же привезли и Тресс похитили на одной телеге со светлой доской в торце. Так что…

- С крыши, говоришь? Ну что же, пошли поглядим. Леклер, захватите подзорную трубу.

«Пошли» оказалось неточным словом. Вначале четверо пробирались между стропилами пыльного чердака, затем вылезли на покатую четырехскатную крышу через узкое слуховое окно. Тут Пети и остановился. Дальнейший путь можно было проделать только на карачках, собирая по пути последствия развеселой жизни откормленных парижских голубей.

- Ну и где тот двор?

- Отсюда не видно, надо вон на тот скат перебраться. – Сержант рукой указал куда именно.

Офицеры переглянулись, ни один не высказал желания рисковать собственным мундиром. Тогда майор и принял волевое решение:

- Вот тебе, парень, подзорная труба, осмотри все внимательно, потом придешь в кабинет гражданина сублейтенанта, опишешь все, что видел. – Приглашать в свой кабинет ароматного грязнулю, в какого гражданин Лапуант к тому времени, несомненно, превратится, Пети не собирался.

М-да… когда офицеры были рядом, поход на соседний скат казался делом плевым: и крыша не крута, и по ее краю сделан пусть невысокий, но все-таки бордюр, защищающий неуклюжего трубочиста от падения на мостовую.Когда же остался один, оценка ситуации кардинально поменялась.

При этом ползать по крыше на брюхе – такая мысль не вдохновляла и Анри. Пусть высоко и страшно, но и превращаться в пугало, от которого будут шарахаться кобылы ассенизаторов, категорически не хотелось. Пришлось засунуть подзорную трубу на пояс, и на четвереньках, молясь Спасителю и поминая всех демонов, аккуратно и неторопливо отправиться вперед. Точнее – вбок.

Левую ногу в сторону, руку в сторону, перенести вес тела, подтянуть правую руку, правую ногу. Повторить в том же порядке, еще раз, еще.И ради какой преисподней королю это надо? Хороший вопрос, но запоздавший, теперь-то уж чего думать. Надо отставить левую ногу, левую руку в сторону…

Добрался, наконец! Осталось разместиться поудобнее. Упереться ногами в бордюр, расчистить носовым платком место для посадки... хм-м, платок здесь и останется, стирать его уже бессмысленно, даже магией. Что у нас внизу?

Нет-нет-нет! Вниз смотрим осторожно: это с земли кажется, что до крыши не так уж далеко, а вот отсюда до земли – совсем другое расстояние. Но делать нечего – не бежать же назад с криком «Боюсь-боюсь».

Поэтому все же достаем подзорную трубу и смотрим вниз.

Есть! Вон она, телега. А вот и возница в том же свободном плаще, только без шляпы. Что делает? Ха, светлую доску отдирает! Кто ж его на такое безобразие надоумил? Не иначе дружок из полиции посоветовал избавиться от приметы. Ничего, дорогой, эта предосторожность тебя уже не спасет. Поздно.

Эх, жаль лица не видно. Ну, повернись же! Есть! Хм-м… человек как человек, мимо такого пройдешь и внимания не обратишь.

Ладно, о нем после подумаем. Сейчас главное – Тресс. Она здесь? Если да – то где? Двухэтажный дом невелик. В нем комнат не больше десятка. Немного, но девочка может находиться в любой из них. Или в конюшне? Тоже небольшой, вряд ли рассчитанной больше чем на двух лошадей.

Интересно, сколько народу живет в том доме? На дворе кроме возницы – никого. Остальные на работе? Или он тут один? Нажился на делах неправедных, теперь отдыхает. И иногда детей похищает, убивает, потом их тела по городу развозит. Развлечение у него такое, хобби, как говорят островитяне.

Вот ведь глупость какая в голову лезет. Это от скуки, потому что не происходит ничего. Ну, поменял душегуб доску, теперь сидит на крыльце, с какой-то железякой возится.

Оп-па! Не один он там. Вышла какая-то женщина в простом платье. Служанка? Жена? Квартирантка? В руках у нее ведро, скорее всего – помойное, потому что понесла она его в совсем небольшой «домик» в дальнем конце двора. Зашла, вышла, сполоснула водой из бочки… странно. Выносить ночную вазу сейчас, когда солнце уже к закату двинулось? Или в доме лежачий больной, неспособный сам до туалета дойти, или кого-то держат взаперти. Тресс? Демон, как же хочется в это верить!

Однако, пора заканчивать, да и похолодало уже так, что куртка не спасает от разгулявшегося над Парижем пронизывающего ветра. Спуститься к умным дядям офицерам и доложить, что ничего, подтверждающего присутствие в доме Тресс, узнать не удалось. Кроме вылитого в туалет содержимого ведра, но это такое себе подтверждение, неубедительное.

Ну, начали. Правую ногу в сторону, руку в сторону, перенести вес тела…

Глава 9

Когда Анри подошел к кабинету Леклера, услышал смех. Стучаться не стал, открыл дверь – красота! Граждане офицеры сидят за столом, между ними бутылка вина и пара простецких кружек. В общем, веселились они, пока их король на крыше мерз.

Среагировали оба на приход наблюдателя одинаково – принюхались, взглянули на его грязные колени и дружно решили, что вести юного сержанта к майору Пети не следует. Пусть он им сейчас все расскажет, а уж они доложат.

- Вот перо, бумага, говори и рисуй, что видел, – скомандовал Леклер, а капитан утвердительно кивнул.

По окончании доклада Анри снабдили запиской, предписывающей охране выпустить подателя сего из здания, и отправили на улицу ожидать дальнейших распоряжений.

А там – благодать. Внизу ветра почти что и нет, на улице пусть и шумно, но безопасно – в случае падения рискуешь лишь расквасить себе нос, если будешь уж совсем неуклюжим.

Анри подпирал стену жандармерии не меньше часа, пока, наконец, к нему не вышли де Безье, Леклер и десяток солдат в жандармских мундирах. Есть! Значит вот-вот тот страшный возница будет схвачен, а Тресс освобождена. Если повезет, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.